

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Очерк творческой судьбы Александра Кухно

Новосибирск хорошими стихотворцами удивить трудно. В разные годы их здесь было немало. Но редкой красоты и чистоты лирический голос Александра Кухно, пронизанный током высокого гражданственного звучания, заметно выделялся в этом хоре.

Жизнь поэта была недолгой, а судьба нелегкой.

Александр Антонович Кухно родился 15 апреля 1932 года в селе Ключи Славгородские Алтайского края. (Эти дорогие его сердцу места оживут позже в стихотворении «Ключи Славгородские»). Матери своей Александр не помнил. Родители разошлись, когда был он совсем еще маленьким. Отец сразу же увез сына в Новосибирск, и переезд этот стал для А. Кухно судьбоносным. С Новосибирском была связана вся его дальнейшая судьба. Годы спустя в одноименном стихотворении он признается «любимому городу»: «Всем на свете экзотическим //селеньям //предпочитаю, //всем столицам мира, — //город мой!..» Здесь, на пересечении улиц Переселенческой (нынешняя 1905 года) и Туруханской (нынешняя Советская) в коммунальном двухэтажном деревянном доме прошли его юные годы. Назвать их беззаботным и счастливыми нельзя. Тяготили сиротство и одиночество. Отец в звании старшины войск НКВД служил в охране тюрьмы, находившейся на другом конце Переселенческой. «...Он очень любил меня, ревностно оберегал от любой чужой ласки и воспитывал усердно. ...Отец, конечно, сыграл решающую роль в моем воспитании и образовании», — напишет А. Кухно позже в автобиографическом рассказе «Откуда азь есмь...».

Не без влияния отца развивалась у А. Кухно рано проявившаяся тяга к художественному слову, к стихотворчеству. В раннем детстве Антон Данилович разучивал с сыном в свободное от работы время стихи Маршака, Чуковского, Барто. А уже в семь лет Александр сложил свой первый стишок, появившийся в стенгазете пионерлагеря, и сразу же проявившиеся способности сына Антон Данилович поставил на плановую основу. «Он завалил меня блокнотами и карандашами, — с улыбкой писал об этом в рассказе «Откуда азь есмь...» А. Кухно, — подсчитывал, сколько стихотворений я написал за месяц, лето, за год, установил, так сказать, план-максимум и план-минимум, всячески старался способствовать моему развитию в этом направлении».

Антон Данилович и сам взялся по торжественным случаям сочинять «нечто, напоминающее стихи, очень длинное и сверхназидательное», которое потом читал гостям. Отцовской графомании Саша стыдился, но она же была и своеобразным катализатором его поэтического развития. Во всяком случае, заставляла чуткого к слову мальчика решительно отделять зерна от плевел («в пятом ли, в шестом ли классе я уже понимал, что стихи отца лишены подлинной поэтичности, что существует настоящая красота слова»).

Воспитывал юного Сашу не только отец, но и суровая атмосфера предвоенных, военных и первых послевоенных лет, на которые пришлось взросление, поколения А. Кухно. Пора эта нашла позже отражение в целом ряде его стихотворений.

Так, лирический герой стихотворения «Мы были дети...», слыша взрывы уничтожаемых оставшихся после войны боеприпасов, вспоминает, как еще не так давно мимо шли «составы с красными крестами», где «в теплушках шатких погорельцы», которых «иссушил страх и голод». Видится ему также «вокзал...метель... сибирский город...», где «снимают с поезда тела живых, полуживых и мертвых...». Еще — «мальчишка в валенках протертых за гробом матери идет». А в финале — обобщенный портрет поколения, опаленного страшной войной.

В тринадцать лет мы крепко знали,
что значит проводить отца
туда, где чаще погибали,

познакомился с первокурсницей Ольгой. Их дружба очень быстро переросла в большое, глубокое и сильное чувство, и они поженились.

Молодоженам пришлось поначалу очень туго. Из стихотворения «Сколько зим по задворкам чужим...» это хорошо видно:

От семнадцати до двадцати —
ни угла, ни родного тепла.
Не в чести у родных, не в чести
наша горькая нежность была.

Начальная пора семейной жизни («Первые беспомощные зимы. //Втридорога нанятый уют») находит свое отражение и в стихотворении «Зима». Но если предыдущее окрашено горечью, то это — полно светлого, мажорного ощущения, идущего от прекрасного зимнего морозного дня и безграничной любви к самому близкому человеку. Поэту удается найти простой и эффективный способ ощущение это выразить, доказать, что он и в самом деле «и нежней, и верней». Наметенные за ночь сугробы он сравнивает со стаей «белых псов сторожевых», которые, наигравшись и устав за ночь, «зарылись в снеговом дыму». И лирический герой готов немедленно сразиться с ними:

Пройдут годы, но Ольга останется для А. Кухно и любимой женщиной, и музой, и лирическим прообразом многих его стихов. Да и не только прообразом. Еще будучи студентом пединститута, он напишет стихотворение «Полным именем зову тебя все реже...», где имя жены ассоциирует с названием дальневосточной бухты Ольга. Неожиданный сам по себе романтически-географический этот образ становится своего рода отправной точкой большой любви.

Но лирика лирикой, а груз обыденности все сильнее давил на неокрепшие плечи молодого поэта. Родился сын. Заботы о хлебе насущном для своей семьи вставали для молодого отца все острее. И на старших курсах института и после его окончания преподавал русский язык и литературу в школах. Особенно повезло ему в школе рабочей молодежи, принадлежавшей новосибирскому заводу «Химконцентрат»: от этого предприятия получил он первую в своей жизни жилплощадь — комнату в коммунальной квартире. После съемных углов с «удобствами» во дворе она показалась раем.

Работа в школе отнимала много времени и сил, но в сердце настойчиво стучались стихи, и А. Кухно все сильнее осознавал, что именно поэзия есть его истинное призвание. Публикации в газетах «Большевицкая смена» и «Советская Сибирь» только добавляли уверенности в этом. И А. Кухно сделал решительный шаг в сторону профессиональной литературы: в 1953 году, еще не окончив пединститут, он поступил на заочное отделение Литературного института имени А.М. Горького в Москве.

Правда, скоро понял, что шаг был несколько опрометчивым. Дали знать о себе перегрузки. Зимой 1953 года был он на грани дистрофии и нервного истощения и уже подумывал совсем отказаться от литературной учебы и сочинительства. Он и в самом деле забросил Литинститут, а весной 1954 года получил приказ об отчислении.

Так бы, наверное, и остался А. Кухно до конца жизни педагогом, поставив крест на своей литературной судьбе, если б вслед за приказом не пришло письмо Н. Асеева. Известный советский поэт обратил на него внимание и прислал теплое ободряющее письмо с подробной доброжелательной рецензией. Поддержка Асеева вывела А. Кухно из ступора и помогла его окончательному литературному самоопределению.

Летом 1955 года А. Кухно в Литинституте был восстановлен и определен в семинар еще одного выдающегося советского поэта — Михаила Светлова. Встречи с ним во время семинарских занятий и экзаменационных сессий дали А. Кухно очень многое и оставили в душе по его собственному признанию «самые дорогие воспоминания». А. Кухно называл Светлова своим «духовным наставником, воспитателем, учителем жизни».

А годом раньше А. Кухно дебютировал в «толстом» литературном журнале — «Сибирские огни» (1954, №6) опубликовали стихотворение «Рукавички», ставшее вскоре его визитной карточкой.

Ничего особенного вроде бы в этом стихотворении нет. Обычная история любви, завершившаяся естественным и закономерным итогом: любимая женщина из беспечной возлюбленной превращается в озабоченную мать двух малышек, которые «плетутся» за нею «по привычке, //за подол ручонками лоя, маленькие, //словно рукавички, //с белыми чубами сыновья». Но есть здесь характерная для истинной поэзии тайна, с трудом поддающаяся анализу. Тайна хотя бы в том, как удалось автору с помощью сквозного образа-сравнения создать при ясности и простоте внешнего рисунка глубокую и емкую картину? Вполне реальные в начале стихотворения рукавички, потерянные любимой лирического героя на лыжной прогулке, оборачиваются к финалу емкой метафорой-символом доброго и прочного семейного очага, излучающего «рукавичек кровное тепло»:

Важно заметить, что ставшие поистине хрестоматийными в сибирской поэзии «Рукавички» написал совсем еще молодой, двадцати двух лет от роду, человек. И сразу установил для самого себя высокую поэтическую планку. С другой стороны, уже по одному этому стихотворению читателю было ясно, что в литературу входит талантливый лирик со своим голосом и мироощущением.

Публикации в «Сибирских огнях» не прошли для А. Кухно бесследно. Его пригласили работать в редакцию журнала. В 1956 году он расстался со школой навсегда. На целое десятилетие редакция «Сибирских огней» станет его вторым домом. Побывал он здесь на разных должностях: заведующим редакцией, отделом поэзии, редактором отдела очерка, отдела прозы. Это была прекрасная школа литературной практики, которой так часто не хватает пишущим людям.

Редакторская служба, чужие рукописи не заслонили собственные стихи. Более того, это «сибогневское» десятилетие в творческой жизни А. Кухно было, пожалуй, наиболее плодотворным.

В 1958 году в Новосибирске вышла первая его поэтическая книжечка с образным, сочным, сразу же останавливающим читательский глаз названием — «Незабудок брызги синие». Тоненькая, вместившая всего два десятка стихов. Сразу надо сказать — неравноценных. В некоторых еще заметны здесь следы литературного ученичества. Но в лучших, таких, как «Рукавички», «Река молчания» или «Хорошо шагать отавами...», способных украсить любой поэтический сборник, А. Кухно в полной мере проявился как зоркий словесный живописец, способный через фокус какой-то остановившей его взгляд детали хорошо, казалось бы, знакомого пейзажа создать полную свежих сочных красок и оттенков поэтическую картину, сказать «слово необыкновенное»:

Незабудки... То ли выплыли
из ручья такие просини,
то ли сосны небо выпили —
голубую смолку сбросили.

Но поэт озабочен не демонстрацией своих способностей. Его художественная задача куда глубже и значительней: своим поэтическим словом он стремится приблизить человека к земной красоте, сделать ее неотъемлемой частью человеческого существования:

Чтоб других за сердце тронули,
чтоб пьянили пуще солода
день ли синий, сосен кроны ли,
ранний вечер весь из золота...

Чтоб всегда, в минуту каждую,

а не просто — время выдалось! —
людям виделась, как важное,
красота земная виделась.

Пусть в стихах рождаются заново
и сияют в ночи зимние
под сосной, у комля самого,
незабудок брызги синие.

То, что здесь не просто декларация о целях собственного творчества, вполне естественная для молодого поэта, доказывает уже само это стихотворение, получившее широкий читательский резонанс. И далеко не оно одно. По словам критика Виталия Коржева «восхищение и благоговение перед матерью-природой Александр Кухно пронес через всю свою недолгую жизнь «как песню лучшую и как песню обнародовал»¹.

Но уже тогда, в середине 1950-х, это «восхищение и благоговение» не было чисто эмоциональным и созерцательным. А. Кухно вообще никогда фактически не был той «божьей» лирической птичкой, которая голосом, данным свыше поет лишь о том, что видит. Он и сам в стихотворении «Я знаю власть предубеждений...» (1956) подчеркивает: «Мне мало слов первоначальных, //что сами просятся в строку...». Благоговейного созерцания ему тоже недостаточно. С первых же поэтических шагов (и вышеназванное стихотворение это подтверждает) А. Кухно осознает необходимость осмысления природного бытия:

Не уходи — я должен слушать,
Я должен всю понять ее —
Лесов нетронутую душу,
Цветов немое бытие.

И сразу же поэт приходит к очень важному для себя выводу: без любимого человека природу не услышать и не понять; луч любви помогает высветить ее ярче и глубже:

Быть может, власть предубеждений,
но без тебя я глух и нем —
цветы не дарят откровений
и не подсказывают тем.

Цветы с тобою — ярче вдвое,
с тобою трепетней листва,
сильнее дух смолистой хвои,
слышнее голос естества.

И не удивительно, что у А. Кухно мотивами любви пронизаны картины природы, а они, в свою очередь, органично входят в его любовную лирику. Так, лирическое действо «Рукавичек» разворачивается на фоне лесной зимней сказки. Полноправным героем стихотворения «Девушка с Маны» становится горная сибирская река, где лирический герой встречает красавицу-смуглянку — живое воплощение природной красоты..

На образе некоей глубокой, таинственной реки построено и одно из лучших лирических стихотворений А. Кухно «Река Молчания». Заявленный уже в самом названии, образ этот, выражающий «признание первое в любви» — в большом сильном чувстве, становится стержневым и связующим, четко в то же время проявляющим поэтическую мысль: Река Молчания, топя в своих водах «слова неверные, случайные, обиды тяжкие», течет, не разъединяя, а соединяя влюбленных в цельный организм,

¹ Коржев В. Высокое горение. //«Сибирские огни», 1986, №1.

следующий в едином жизненном фарватере («И ты идешь со мною об руку. //Течет Молчания река»).

Любопытно, что, опубликованное в сборнике «Незабудок брызги синие...» в 1958 году, стихотворение «Река Молчания» начало складываться у А. Кухно еще тогда, когда им самим еще не были сказаны слова признания в любви, когда он пока только бегал по лесной тропинке в лагере на свидание к пионервожатой Ольге. Но удивительно развитое в нем от природы поэтическое предощущение подсказало начинающему стихотворцу настолько же оригинальный, не потерявший и сегодня своей новизны, насколько и глубокий поэтический образ.

После выхода первой книги А. Кухно как-то сразу и почти безоговорочно причислили к «чистым» лирикам. На самом деле это не совсем так. Гражданские мотивы звучат у него и в некоторых ранних произведениях.

Военные ассоциации возникают, например, в «туристическом» стихотворении «На Бие». Молодые люди сплаваются по бурной горной реке. Лоцман у них — «в боях закаленный солдат». Он «пел о военных дорогах, //и каждый ему подпевал». И ребятам казалось, что «там, за тайгою, за синей скалистой горою» ждет их «не туристский — солдатский недолгий привал». Ассоциация, возможно, и несколько прямолинейна, но не случайна для поэта, чье детство совпало с войной, отголоски которой в 1953 году, когда было написано это стихотворение, еще близки.

А начинается книга «Незабудок брызги синие...» и вообще с публицистического стихотворения, посвященного памяти героев Гражданской войны, «Пламя для живых». Поэт созерцает мемориальный памятник политзаключенным, зверски замученным колчаковцами, установленный в центре Новосибирска, и ему кажется, что эта рука с факелом, рвущаяся из каменной глыбы, передает эстафетный огонь героического прошлого минувших поколений — «живое пламя — для живых». Графически четко очерченное, почти плакатное, стихотворение это, конечно, не очень вяжется с акварельной лирикой большинства остальных стихов сборника. И вполне можно было бы отнести его к тем рифмованным идеологическим «паровозам», которые тогда чуть ли не в приказном порядке цепляли к поэтическим сборникам, но в том-то и дело, что А. Кухно оставался здесь таким же искренним, как и в лирике своей. И не столько, наверное, революционная героика как таковая его привлекала, сколько само по себе мужество самопожертвования во имя будущих поколений.

Поэтому есть основания полагать, что «поэт и гражданин» вызревали в А. Кухно одновременно.

Летом 1958 года у А. Кухно завязалась переписка с Еленой Александровной Вяловой-Васильевой — вдовой Павла Васильева. Творчество его А. Кухно ценил очень высоко и в силу своих возможностей пытался представить стихи этого замечательного поэта на страницах «Сибирских огней». Переписка сразу же стала теплой и дружеской, без тени казенщины. «Ваши письма светлое пятно в моей жизни, — писала вдова. — Ведь так мало в жизни встречаешь настоящих, хороших друзей»¹. А по поводу посланной ей Кухно книжки «Незабудок брызги синие» Елена Александровна в декабре того же года молодому ее автору писала: «...какие теплые, душевные Ваши стихи, читая эти строчки, делается как-то спокойнее на душе. Сколько любви и ласки вложено в такие произведения, как «Рукавички», «Полным именем зову тебя все реже...». Стихотворение «В любом захолустье...» чем-то напоминает мне отрывки из Павловской «Песни о гибели» — видимо, размером. Очень напевно начало отрывка из поэмы «Тишина»... Мне ваши стихи доставили истинное удовольствие»².

Удовольствие доставляли они не ей одной. А. Кухно все чаще выходит на прямой контакт с читательской аудиторией: выступает перед рабочими, школьниками, студентами Новосибирска. А руководитель городского литературного объединения при газете

¹ Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С.312.

² Там же. С. 312-313.

«Молодость Сибири» поэт и журналист Илья Фояков, недавно приехавший в Новосибирск по распределению после окончания Ленинградского университета, беспартийно заявлял, что из молодых новосибирских поэтов самым талантливым он считает А. Кухно. И то, что И. Фояков был недалек от истины, подтвердил состоявшийся в 1958 году в Смоленске семинар молодых поэтов РСФСР, в котором участвовал и А. Кухно. Принят он был хорошо. Тепло отозвался о его стихах известный советский поэт Николай Рыленков. Смотрины на большой поэтической арене успешно состоялись.

Все это, безусловно, воодушевляло, окрыляло молодого поэта. Но ровно настолько, чтобы не превратиться в застывшую глаза эйфорию. С поднимающейся волной успеха росло и чувство ответственности за сказанное поэтическое слово. Для него становится правилом добиваться того, «чтоб строка строки держалась плотно. //Чтобы каждой строчки окончание — //как стрела каленая в колчане». Этому учил его Светлов. Да и сам он состоял в «редакторском чине». Но самым строгим и взыскующим был его «внутренний» редактор.

Незаметно пролетали годы учебы в литинституте. А. Кухно выходил уже на финишную преддипломную прямую, когда умер М. Светлов. Все знали, что он тяжело болен, но кончина его все равно оказалась для многих внезапной. «Не могу себе представить смерть Михаила Светлова... Казалось, он будет жить вечно... Столько в нем всегда было жизненных сил, бодрости духа, чуткой иронии, доброты, внимания к каждому из нас, молодых поэтов!..»³ — писал А. Кухно.

А руководителем семинара в последний год его учебы стала поэтесса Вероника Тушнова.

В качестве своей дипломной работы А. Кухно предложил сборник лирических стихотворений. Рецензируя его, В. Тушнова писала:

«Александр Кухно обладает очень ясным, чистым и мягким поэтическим голосом, Это поэт лирических раздумий, ему несвойственен лаконизм, афористичность, и вряд ли, по характеру дарования, он должен к этому стремиться. В стихах его много биографического, личного, но так как это биография юноши нашего времени, она близка и интересна для читателя... Из детства, из нашей юности тянутся нити, связывающие поэта с жизнью, с людьми, которых он ценит, любит и всегда старается понять. Тонкость и чуткость всегда присутствует в поэзии Александра Кухно. Постоянно живет в ней и чувство природы. Очень хороши стихи «Тополь», «Дождик», «Хорошо шагать отавами...». Отличные стихотворения «Река Молчания», «Рукавички». ...В некоторых стихотворениях Александра Кухно есть длинноты, иные строки можно было бы написать лучше, но вместе с тем столько в его творчестве поэзии, чистоты и душевного тепла, что, по-моему, представленная им дипломная работа, — рукопись сборника стихов «Березовые колки», заслуживает высокой оценки»¹.

Работа А. Кухно экзаменационной комиссией была оценена действительно высоко. В конце 1961 года поэт прощается с литинститутом. Но книжка под названием «Березовые колки» выйдет лишь шесть лет спустя.

Впрочем, многие ее стихи увидят свет двумя годами раньше — в сборнике «Ранимость»...

4. Так слышу и пою

Книга «Ранимость» стала определенным итогом более чем десятилетнего творческого периода и свидетельством того, что поэтическое лицо А. Кухно обрело четкие очертания, что перед нами вполне сформировавшаяся творческая личность, имеющая под собой твердые гражданские, эстетические и нравственные позиции.

³ Кухно А. Пригодись, мое сердце... //Сиб. огни», 1964, №12.

¹ Из личного архива А. Кухно.

Показательно в этом отношении стихотворение «Так слышу...». В народной песне «Среди долины ровные...» поэту «за волшебной песенною силой» почудилась «самая что ни на есть людская, //только нам понятная тоска». И «не дубок среди долины ровной — это сердце русское растет». Поет, тоскуя о том, «что не всю еще беду людскую //русскими руками отвели!..» Многозначительное «так слышу» претендует здесь не только на самобытность поэтического ощущения. Это еще и позиция — гражданская и художественная, позиция глубоко русского душой человека и патриота родной земли.

Еще более определенно и даже, можно сказать, жестче позиция эта заявлена в более позднем стихотворении «Куда летишь, мой друг неверный...», где А. Кухно пишет:

Не дело русскому поэту —
швырять себя во все концы.
Есть веселее и печальней
народы разные вокруг.
Но нет интернациональной
народа русского, мой друг.
Познай его — весь мир познаешь...

В том и состоит главная миссия русского поэта в понимании А. Кухно, которую вполне можно было бы выразить еще и словами русской поговорки: «Где родился — там и пригодился».

На рубеже 1950 — 1960 годов в поэзии А. Кухно все более усиливается гражданское звучание. И стихотворения «Так слышу», «Куда летишь, мой друг неверный...», и написанные в ту же пору «Телеграммы», «Корвет», «Мы были дети и не дети...», и поэма «Вещь», и ряд других произведений Кухно, включая, конечно, поэму «Море», — тому весьма убедительное подтверждение.

Но это вовсе не значит, что утих, потерялся у А. Кухно голос тонкого проникновенного лирика. Нет, он продолжает звучать, он прекрасно слышен. В частности, и в отмеченных В. Тушновой «Дождике» и «Тополе».

Триптих «Дождик» очередной раз убеждает, что природа и любовь в поэзии Кухно — вещи часто тесно сплетенные, взаимопроникающие, способные высечь при этом неожиданную образную искру. И тогда обложной, морозящий третий день дождик — «очень тихий, очень грустный» — предстает таким печальным робким влюбленным, который ходит «под окнами любимой» «по булыжной мостовой» «сам не свой». И тут же еще один останавливающий внимание образ дождливой осени — «как приспущенные флаги, тяжело висят листы».

Осень и в стихотворении «Тополь». Облетает дерево — «как будто кровля золотая распалась, рухнув с высоты». Здесь та же, что и в более раннем стихе «Еще шумит над Обью лес...», тема «обновления» природы, однако поворот уже несколько иной. Извечный, естественный природный круговорот видится поэту единым жизненным циклом, где идет поистине диалектическое противоборство старого с новым, отживающего с нарождающимся, символом которого и становится сбрасывающий листву тополь:

Но каждый час — единоборство,
мгновенье прожитое — бой.
Земля с невиданным упорством
живет и борется с собой.

На перевале двух десятилетий Александр Кухно еще излучал здоровый оптимизм, мажорное настроение, был полон песенной страсти. Взять хотя бы стихотворение «Аленушка», где переплелись и песенно-лирическая и сказово-сказочная стихии. Или «Березовые колки», где он демонстрирует мастерство поэтической аллитерации, умение

виртуозно обыгрывать определенные звуки или созвучия. Фактически на одном звуке «л» («осколки-«колки»-«перепелка»-«без толку»...) построено все стихотворение:

...Долетела бы — как звездочка — до колка,
чтобы милый возле колка ждал недолго,
только в поле жнива колет колко,
будто каждая былиночка — иголка.

Не в последнюю очередь благодаря этой звукописи лирическая картина свидания влюбленных у березового колка посреди сжатого хлебного поля органично вписывается в окружающий пейзаж.

На солнечный мир вокруг А. Кухно еще пытался смотреть «вовсю открытыми глазами», хотя уже и понимал, что солнце так «разглядеть нельзя». И все острее давала знать о себе сердечная и душевная боль: «Душа болит... //Не знаю отчего. //Как еж — //сердчишко тычется о ребра...»

Если следовать буквальному смыслу этого стихотворения, то можно подумать, что «душа болит» просто от тоски одиночества, оттого, что остался летом в городе один без разъехавшихся кто куда друзей, общение с которыми всегда заряжало его творческой энергетикой. Но вот какой любопытный эпизод приводит в своем очерке-воспоминании Нина Макарова.

«...На другой день пришел в редакцию совсем сумрачный:

— Я стал хуже, злее. Мы тратим нервы, а общения с людьми мало.

— Не наговаривайте вы на себя, — пыталась остановить его.

— Я не наговариваю, вы знаете, что люди — психика, характер — меняются в течение семи лет. Я стал совсем другим. Хотите прочесть один стих? Давно написал... — вытащил из кармана бумажку...»

И прочитал стихотворение «Душа болит...»

В том-то и дело, что он менялся, в нем происходила внутренняя ломка, он действительно становился «другим». И если на заре своей поэтической юности, принимая «чужую жалость, и боль, и радость», он больше «жил душою», чувством, интуицией, то с наступлением зрелости приходило осознание самого себя — человека и творческой личности, окружающего бытия и своего места в нем.

Насколько тернист этот процесс, видно из стихотворения «Мой костерок все шает, шает...».

Так поначалу было просто:
одну деталь, один штришок
заметь — и вспыхнет, как береста,
строкою схваченный стишок.

Но чем дальше, тем труднее становится разжигать «поэтический костерок», тем сильнее сопротивление слова. Даже с природой поэт не в силах слиться, как прежде. Молчит при виде нее его «песенная душа». Поэт винит в том природу, но ястреб, с которым в стихотворении ведется диалог, сурово осаживает его: дело не в природе, а в самом себе («ты сам ей нынче изменил») — не равнодушного холодного созерцания, а горячего участия требует природа («За песню — песенная страсть».)

Следы этой болезненной «ломки», итогом которой становится стремительное личностное, творческое и гражданское взросление, хорошо заметны во многих поэтических произведениях А. Кухно первой половины 1960-х годов. Особенно в тех, где он пытается выразить свое видение поэтического бытия, определить круг целей и задач творческой личности, связанной с жизнью общества.

Основными же координатами поэтического бытия А. Кухно становятся ранимость и душевное самосожжение.

горит,
 во имя озаренья
себя сжигая!...
Огнем охваченное древо
заносит ветром.
Вскипает кровь от перегрева —
течет по веткам.
Не сучьев шелканье и взрывы —
то нервы ломит.
И молний мечутся извивы
на полуслове...
Бессонницей казнит усталость
по году,
 по два —
за молодость мою,
 за статность,
за все, что отдал
словам...
Себя превозмогая,
иду на образ.
На черта мне теперь другая
любая область!...

Как видим, творчество А. Кухно воспринимал не просто как профессию, ремесло, а как духовное самосожжение, необходимое для преобразования мира, во имя того, «чтоб мысли подлинной, глубокой пробиться к свету», «чтоб чувства к людям не иссякли», а в итоге, во имя самой высокой цели — «весь мир очеловечить».

И такое понимание своего поэтического предназначения, когда поэт — больше, чем поэт, то есть много больше, нежели просто версификатор и «чистый художник», вполне в корневых традициях русской поэзии. Что совершенно естественно при таких поэтических ориентирах, как Пушкин, Некрасов, Есенин, Блок, Асеев, Светлов.

Но притягивает этот поэтический манифест не только самой по себе предложенной Кухно «концепцией художнического сотворения и пересотворения мира»², но не меньше обжигающей авторской страстью. И душевная ранимость становилась мощным источником «высоковольтного» поэтического напряжения. А образ «огнем охваченного древа», с которым сравнивается творец, напряжение это только усиливает.

Итак, как говорил в те же шестидесятые годы незабвенный «отец оттепели» Хрущёв, «задачи определены, цели поставлены — за работу, товарищи!» Но вот с реализацией-то прекрасного творческого манифеста оказалось не так все просто. Да и то сказать: поэтические декларации, как бы талантливо ни выражали они творческое самочувствие (а именно к ним и относится стихотворение «Творчество»), никогда не были «рабочими документами». Реализация любой программы или концепции — разговор особый, порой непредсказуемый. И чем тоньше, чувствительней поэтический нерв, тем тяжелее приходится в самореализации.

Не случайно едва ли не в одно время с «Творчеством» появляется еще одно весьма симптоматичное стихотворение А. Кухно — «Все ждешь, все жаждешь равновесия...», где проблема творческой самореализации поворачивается уже новой гранью. Поэт не трудностей бытия боится, не «перегрева». Для ровного творческого огня ему необходимо равновесие. Хочется «и добрым быть, и мудрым быть», и чтобы не оставалось вокруг «ни зла, ни лжи, ни прочей нечисти, ни преходящих мелочей», мешающих «гранить мысль высокую» — тогда и будут падать «в ладони соколы — //слова, зовущие к добру»

² Коржев В. Высокое горение. //«Сиб. огни», 1986, №1.

(выражение, кстати, сразу стало крылатым). Но вот беда — повседневность наша не предоставляет такой возможности:

Сурова жизнь. Глядит не весело
на все старания твои,
не диво, молвит, равновесие —
без равновесия твори!

Дефицит этого равновесия А. Кухно ощущал постоянно, всю свою жизнь. Впрочем, кому, в принципе, это чувство не знакомо? Но у него оно обострялось, кроме внешних обстоятельств, особенностями собственной натуры. «У него было безошибочное чутье на добро и зло, на искренность и лицемерие, на справедливость и беспринципность»¹, «он замечал малейшую фальшь в человеке. Из деликатности старался не обнаруживать ее и все-таки не мог долго сдерживаться, высказывал свое неприятие ее иногда жестко»². И это, и еще многое другое, рожденное его собственной ранимостью, только усиливало дефицит равновесия, приводя к душевному дискомфорту, а то и болезненному разладу с окружающим миром.

Но это будет несколько позже. А тогда, в первой половине 1960-х, тучи еще только сгущались. И еще светило солнце «оттепели», обогревая лучами надежды.

5. Под высоким накалом эпохи

Надежды были большие. У поэтов, наверное, в особенности. На широкий простор вышла лирика, остававшаяся в военные годы и послевоенное десятилетие далеко на заднем плане. Она выплеснулась в многолюдные аудитории, на площади и стадионы. Школы и вузы открывали литературные студии, стихотворные сборники сметались с книжных прилавков. Поэты становились популярнее кинозвезд. Только «физики» могли тогда соперничать с «лириками».

«Разгул» поэтической стихии не обошел и Новосибирск. Высокое поэтическое напряжение чувствовалось и здесь. Его центром был в то время сам еще совсем юный Новосибирский электротехнический институт, в котором устраивались поэтические праздники, куда собирались не только сибирские, но и московские, ленинградские поэты, как начинающие, так и маститые. Рядом с Е. Стюарт, М. Борисовой, Вас. Казанцевым, совершенно не смешиваясь с ними, звучал чистый голос А. Кухно. Он становится постоянным участником этих популярнейших в городе поэтических турниров. И не только участником. На 1-м Дне поэзии в НЭТИ в 1961 году вместе с академиком Сергеем Соболевым, поэтами Е. Стюарт и И. Фоняковым А. Кухно войдет в состав его жюри. А в 1966-м там же, в НЭТИ, за книгу «Ранимость» станет лауреатом конкурса на лучший поэтический сборник.

Он вообще тогда часто выходил на люди. У всех на слуху были его «Рукавички», «Телеграммы», «Река Молчания», «Аленушка» и, конечно же, «Ранимость». Известность его быстро росла.

Как вспоминал В. Коньяков, «время оттепели пьянило юных поэтов. Поэтическое дыхание Александра Кухно зачиналось в вольном озоновом пространстве. Весенние мотивы, не приправленные идеологией, непосредственно обращенные к человеческому чувству, находили встречный ток доверия и любви. Поэзия как музыкальный резонатор

¹ Краснов И. Штрихи к портрету друга. // Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 295.

² Коньяков В. Когда затихает песня. // Там же. С. 306.

поднимала эмоциональную энергию народа. Его (Кухно — А.Г.) поэтическое воображение жило не только чисто песенной лирикой, но и напитывалось социальными раздумьями»¹.

Определяя отправную точку лирики А. Кухно, А. Никульков пишет: «Александр Кухно вошел в поэзию на том рубеже, когда психология войны стала уходить в прошлое и начало возрождаться осознание великой ценности личности, когда прорвалась общественная потребность в совершенствовании не только социально-политических институтов, но и каждой души человеческой». И добавляет: «Александр Кухно пришел в поэзию с чувством полного соответствия эпохи и лирики. Он поэт исключительно лирический, причем широкого диапазона — от интимности до гражданственности»².

Широта этого диапазона хорошо видна и в книге «Ранимость». Правда, не все, даже из друзей-литераторов, признавали естественность гражданской интонации в стихах Кухно. Так, А. Лиханов утверждал, что «в поэзии он был истым лириком, если и были у него стихи публицистические, открыто гражданские, то сразу ясно становилось — это не его назначение, не свой голос пробует»³. Но вряд ли с ним здесь можно согласиться. По большому счету и «Творчество», и «Ранимость» — тоже ведь произведения открыто гражданские. Как, впрочем, и стихи, посвященные военному детству. Разве лишены они лирического своеобразия, разве с чужого голоса поет в них поэт?

Или вот еще одно широко известное стихотворение А. Кухно времен «оттепели» — «Корвет». Оно — о «маленьком человеке», без которого невозможны никакие эпохальные свершения, а вместе с тем и о преемственной связи поколений — «вечном» историческом двигателе. Темы самые что ни на есть гражданские, публицистические и, прямо скажем, не новые. Но автор стихотворения сумел найти для их художественного выражения романтический образ старого корвета, «в золото лагуны навеки опустившего якоря», который «сам, как памятник героям безымянным». Какой же след оставил он в житейском море? На могучем водном просторе след быстро растворяется, пропадает в пучине. Но значит ли это, что корабль напрасно бороздил житейский океан, преодолевая шторма и ураганы? Разве не такими же безымянными «корветами» являются миллионы простых людей, чей честный самоотверженный труд и есть тот след, который остается на земле и будет ориентиром потомкам? И разве менее достойны они уважения, нежели те великие деятели, чьи имена сохранила история? Ничто в мире не исчезает без следа, убеждает поэт, просто идет вечное обновление (вспомним, что и в ряде стихов о природе звучит у него та же мысль):

Нет, не уходим — сходим постепенно,
становимся частицами морей...
Пусть говорят, что все на свете тленно,
а я не верю тленности моей.

Другие корабли идут по свету,
родные оставляя берега.
И не к лицу мне, старому корвету,
на молодость глядеть, как на врага.

Им дальше плыть,
наученным и рьяным,
к неведомым,
желанным чудесам...
Как я был верен парусам багряным —
они верны багряным парусам.

¹ Коньяков В. Светлая песня. «Сов. Сибирь», 15 апреля 1992 г.

² Никульков А. Нравственная сила лирики. // Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 3-4.

³ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

Так, совершенно справедливо отмечает А. Никульков, «романтический образ корвета без прямой публицистики лирически раскрывает важный идейный смысл»¹.

Заместитель главного редактора «Сибирских огней» Анатолий Иванов, будущий автор знаменитого «Вечного зова», отбирая для публикации в журнале (№3 1964 года) стихи А. Кухно, высоко отзываясь о нем в целом («поэт очень своеобразный, оригинальный и честный, поскольку... пытается любое явление понять и выразить посвоему»), особенно выделял «Корвет», который считал «безусловной удачей»².

Перекликается с «Корветом» написанное несколько ранее стихотворение «В ночном» (1961). Но здесь тема рядового труженика на переломе уходящего и наступающего предстает уже в ином образном свете. Лирический герой ассоциирует себя с трудягой-конем, пасущимся в ночном. Время его заканчивается. И, стоя на пороге новой эпохи, он бросает грустный прощальный взгляд на свой «век конный» (В. Башунов):

Век такой, —
что не для вашей тяги
в небо уходящая звезда,
неужели, кони-работяги,
в прошлом вам остаться навсегда...

Но, как и в «Корвете», «век нынешний и век минувший» здесь также не сталкиваются лбами, не делаются антагонистами. Идет закономерный процесс смены старого новым, поэтому и грусть поэта — светла.

Можно привести еще не один пример лирического своеобразия в решении А. Кухно гражданских тем. И каждый подтверждает правоту скорей не Лиханова, а Никулькова, утверждавшего, что «он (Кухно — А.Г.) обладал прекрасной и, прямо скажем, не часто дающейся поэтам способностью облекать в лирику темы публицистические, воспринимать их как нечто задушевное, личностное»³.

Впрочем, и А. Лиханов оговаривается, что «гражданского тона можно достичь не только восклицательными знаками и яростью страсти, но и тихим голосом любви, неравнодушием, горечью, если надо, и А. Кухно именно эта интонация удавалась...»⁴.

Очень личностным А. Кухно остается даже в самых «публицистических» своих произведениях: таких, например, как небольшая поэма «Вещь».

Рассказывается в ней об инженере, который, приложив максимум усилий (несколько дней не уходил с предприятия, пока не добился своего), устранил серьезную техническую неисправность, из-за которой производство недополучало на миллионы рублей ценнейшей продукции, обуздал «злые машины» с «проржавленными сердцами». Факт для простой газетной заметки. Но в поэме разговор выходит далеко за его рамки.

По сути, А. Кухно продолжает тот большой разговор о творчестве, к которому он раз за разом возвращается в своих стихах. Общий смысл его поэтических размышлений в данной поэме сводится к следующему. Любой труд, если выполняется он с высокой ответственностью и самоотдачей, если в полной мере реализуются в нем лучшие человеческие качества и способности, если он одушевлен и наполнен «высоким горением», есть настоящее творчество. «Злые» же машины появляются тогда, когда управляет ими душевно черствый, холодный человек, относящийся к технике, как куску железа. И не случайно появляется в поэме образ «Робота из будущего» — «не опасного

¹ Никульков А. Нравственная сила лирики. //Александр Кухно. Слова зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 6.

² «Внутренняя» рецензия А. Иванова. (Из личного архива А.А. Кухно).

³ Никульков А. Нравственная сила лирики. //Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 6.

⁴ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

угловатый,
я все решительней вторгаюсь в вашу жизнь.

В полной мере приложимы они и к самому А. Кухно, который в первой половине 1960-х все решительней на свое лирическое существо примерял социальные, гражданские одежды. И ему уже тесно в рамках лирического стихотворения. Влечет его на эпический простор. Возникает замысел большой поэмы, которую А. Кухно назовет коротким, но безбрежным и бездонным словом — «Море»...

6. По штормовому морю людских судеб

Наверное, сама атмосфера уже достигшей своего зенита «оттепели» подталкивала А. Кухно к созданию эпического полотна с раздумьями о горькой судьбе страны и трагедии миллионов безвинных ее граждан в совсем еще недавнем прошлом, о «теневого» стороне социалистической истории. Еще памятен был XX съезд КПСС, где развенчали и осудили «культ личности». Открылись ворота ГУЛАГовских лагерей, началась реабилитация политзаключенных. Репрессированные стали возвращаться домой.

С одним из них — другом комсомольской юности отца, Медведевым — А. Кухно благодаря Антону Даниловичу посчастливилось познакомиться. Георгий Михайлович оказался удивительным человеком. Поразила в первую очередь его интеллигентность — крестьянина по происхождению и зека с многолетним стажем волею трагической судьбы. Ну а то, что рассказал Медведев о каторжном периоде своей жизни, безусловно, оставило глубокий след в душе поэта, высекло творческую искру, от которой вспыхнул и стал разгораться замысел поэмы.

В конце 1936 года он, инструктор политработы конвойных войск, был арестован по надуманному обвинению в «троцкистской, антисоветской, контрреволюционной деятельности». А затем — двадцать лет неволи (как напишет А. Кухно в поэме «Море»: «четырнадцать каторг и тюрем //уже у него за спиной»). Его супруга, Надежда Павловна Медведева, с детьми всюду следовала за ним. После реабилитации Медведев работал в новосибирском Академгородке начальником контрольно-ревизионного отдела СО АН, был награжден орденом «Знак Почета». Пройдя сквозь жесточайшие испытания, он не озлобился, не потерял веру в свой народ, свою страну.

Поэта, исповедующего душевное самосожжение во имя того, чтобы «весь мир очеловечить», такие люди не могли не привлечь и не вдохновить, не могли не стать для него подлинными образцами стойкости, нравственного величия, примерами высокой гражданской и человеческой любви. И не случайно ГУЛАГовские главы поэмы А. Кухно посвятил супругам Медведевым и семье репрессированного ленинградского журналиста А.Н. Алексева.

Правда, начинается поэма «Море» скорей как бытовая лирическая драма. Герой ее приезжает к южному морю в надежде найти успокоение после семейного разлада, обрести под размеренный шум прибоя душевное равновесие, однако теснят его сердце грустные воспоминания о былой светлой любви, «лодка» которой «разбилась о быт», и — «где оно, то равновесие»? — становится «очень худо сердцу человечьему». Настолько худо, что краски, и звуки моря оно перестает воспринимать.

«Как же это вышло, //море голубое», кто виноват в случившемся? — задается вопросом герой поэмы, но какого-то определенного ответа на него не звучит («как попал, не знаю, //в царскую немилость...»). Скорее всего, «оба в том виноваты», хотя, возможно, и он, своей семейной державы, «царь неважненький».

Всплывает еще одна серьезная причина: «Прости мне, маленькая //моя держава, //что не одной тобой //душа дышала...». Признание это на личную драму героя поэмы заставляет взглянуть уже по-иному. Более того, оно становится и своего рода поворотным

моментом в дальнейшем развитии произведения, которое из интимно-лирического превращается в социально-историческое по существу и гражданственное по звучанию. Начинается разговор «о времени и о себе». Разговор для героя поэмы совсем не пустой и не праздный. В своей жизни он подошел к определенной черте. Но чтобы переступить ее и идти дальше, необходимо понять и осмыслить как себя самого, так и мир, в котором живешь, определить свое место в нем, духовные и нравственные ориентиры.

Автор совершает краткий экскурс в недавнюю российскую историю, где были и «тачанки главные большевиков», и фашистские доты, которые закрывали своими телами бойцы, и стоически умиравший на морозе советский генерал, в котором без труда угадывается Карбышев, и делает вывод, что «Россия — море героических судеб».

Вполне конкретное в начале поэмы море, чьи «волны берег лижут», превращается в многозначную и емкую социальную метафору, выражающую в первую очередь величие Родины и судьбы народной.

Образ моря и паруса достаточно традиционен в русской поэзии. Но у А. Кухно он, начиная с задающего тональность заголовка, сквозной, стержневой. Как на крепком гвозде, держится на нем вся сложная многоплановая картина этого поэтического произведения.

Кто же он, поэт (а лирический герой чем дальше, тем больше сливается с ним), по отношению к морю? Росинка, капля, в которой может отразиться поверхность моря, но не его глубина? Нет, у поэта другая мера причастности и родства: «Не капля в море, // не росинка — //я человек. //Я твой, Россия!..» Более того —

Любимый
или не любимый, —
я знаю истину одну,
что сердца моего глубины
вбирают моря глубину.
И, с кем-то ссорясь или споря,
с того и лезу на рожон,
что в самой главной песне моря
я весь — как есть — отображен.

И готов, «как за себя, //за все поступки //родного моря отвечать». Если вспомнить ряд других стихов А. Кухно того же периода (о некоторых выше уже говорилось), то станет совершенно очевидно, что здесь не декларация, не риторика и уж тем более не поза, а выношенное убеждение, вполне согласующееся с его гражданским, нравственным и художественным максимализмом.

Вместе с тем огромное море общественного бытия поэт не мыслит без своего семейного царства-островка, плывущего по его просторам. Что бы ни случилось, он не может его покинуть («но царством собственным бросаться //я, государь, //никак не мог»), ибо сердцем понимает, что без малого не бывает большого, а без крохотной семейной капли-молекулы не полно и великое море народное, что со «звонкого горя детского» начинаются великие трагедии. Поэтому тот, кто не посчитается «с малым горем» ребенка, «не посчитается и с морем». А. Кухно словно бы поворачивает оборотной стороной знаменитую мысль Достоевского о том, что все трагедии не стоят слезинки замученного ребенка. А потому:

Плыви, плыви, счастливый остров!
Мне твой веселый костерок —
пусть не решенье всех вопросов,
но свет и правда этих строк.
С тобой в родном морском просторе
иду за синий окоем
и помню

помню на престоле
о назначении твоём...

При чтении этих строк возникает ощущение, что их автор нечто принципиально важное решал здесь и для себя лично — не только поэта и гражданина, но и семьянина.

Все познается в сравнении. Мера человеческой беды — тоже. Тем выше и тягостней она, если связана не с естественными человеческими недугами или природными стихиями, не с вражьей силой со стороны, а с чудовищными аномалиями, рожденными в пучинах родного российского моря. Оглядываясь на горькие времена сталинских репрессий, когда «подло, именем народа //бесчестье насаждал тиран», «когда ни матери, ни сына //за ради красного словца //не пощадит сама Россия //во славу грозного «отца», автор поэмы напоминает об этом в гневно-взыскующем монологе. И страшнее всего по убеждению А. Кухно, что там, «где чувства только для парада, //там зло возводится в закон; //где капли, винтики, песчинки, //а не живые существа, //там не любовь — одни бесчинства, //там трын-трава все острова».

Впрочем, по закону древнегреческого катарсиса, наверное, «геенна огненная» репрессий не только испепеляла, но и рождала сверхпрочные человеческие кристаллы, которые противостояли распаду, спасая общество от губительного перерождения:

Но, может, потому и живы
моя любовь, мой костерок,
что кто-то шел сквозь все режимы
и просто каплей быть не мог.

Для А. Кухно они — настоящие герои. При этом поэт не оспаривает и подвиги героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Однако «они ясны, как флаги, как в море — соль, как дрожжи в браге». Героизм же тех, кто без вины виноватый с клеймом «врага народа» прошел этапами через самые глухие и мертвые российские уголки, для автора поэмы также несомненен.

По тюрьмам и ссылкам,
по лагерным зонам
трудом непосильным,
великим позором
чудовищной ложью
допросов ночных
испытана верность
героев моих.

Выпавшим на их долю мытарствам отведена значительная (и наиболее сюжетная) часть поэмы. Весьма скупыми художественными средствами А. Кухно удается передать трагизм судеб своих героев, для которых давно привычными стали и «зоны», и «колочка», и «шмоны», и «ненависть вокруг». Даже окружающая природа, где «как вышки — торчат дерева. //Как псы — ошетинились дебри. //Как проволока — трава», враждебна. Но куда горестнее свыкнуться с мыслью, что сделался (пусть и сам того не желая) причиной несчастья своих близких.

Отдавая дань мужеству, стойкости, воле к жизни своих героев-политзаключенных, автор поэмы «Море» не забывает и тех, без кого им крайне трудно было бы все вынести, выжить, не сломаться, — их верных жен, которые, бросив обжитые квартиры, «как одержимые, по следу» шли за ними «шаг за шагом» «хоть к черту на рога». Они не только сами за мужьями «по свету колесили», преодолевая невзгоды, унижения, ненависть стражи, а то и позор, но и «детей с собою волокли». Зачем? Да затем, чтобы «родной костерок» на семейном островке в любую бурю оставался бы опорой и надеждой их

суженым. В том и видели они его главное предназначение. И — совершенно прав поэт — «куда там //женам декабристов //до героизма этих жен!..» Вот где образцы настоящей, большой беззаветной любви! Свет ее пробьет толщу времени и будет верным ориентиром для следующих поколений — новым семейным островам.

Стихотворение А. Кухно «Телеграммы» заканчивается строчкой — «вашей учусь любви». Это — о людях, переживших «трудное время войны». Но с не меньшим основанием адресовать ее можно политкаторжанам сталинской эпохи и их преданным спутницам жизни.

И снова автор поэмы возвращается к размышлениям о себе — поэте и гражданине, своему месту в общественном строю, о своей «сложной поэтической работе». Он уже в возрасте Христа — возрасте зрелости («тридцатитрехлетний человек — //это я вернулся за собою»), и многое ему видится иначе, чем в юности («многое, что раньше отрицал, //позарез необходимым стало»). И понял он одну очень важную вещь: «время не ослабить, не охаять, //не убить, //не спрятать под сукно, //даже если есть строка плохая». А потому, развивает мысль А. Кухно, «лучше, чем о времени жалеть, — //дело делать, //вкалывать на совесть, //честною строкою тяжелеть, //к самым лучшим временам готовясь», чтобы принести на «суд людской» «строчку золотую»! И тут уже не только гражданская позиция, но и, собственно говоря, творческая программа и перспектива настоящего художника, «взыскующего и строгого» поэта, к каковым, несомненно, относился и сам А. Кухно.

Заканчивается поэма там же, где и началась, — на берегу южного моря. Тот же пейзаж, те же «волны берег лижут». По-прежнему «нечем удивиться». Но «вдруг, невесть откуда, она — царица!..» И происходит чудо: все вокруг оживает, преображается, обретает краски, цвет, смысл. Это — главное чудо человеческой жизни: гармоническое соединение двух любящих существ!.. Драма семейного разлада в начале поэмы оборачивается в финале светлой песней любви.

Но совсем в иной тональности выдержана антикультовская, антитоталитарная по своему пафосу социальная сердцевина поэмы. Поэт высказывается здесь с предельной откровенностью честностью и прямоотой. Он страстен, резок до дерзости, достигает высокого художественно-публицистического накала. «Потайная, спрятанная ярость его души» (А. Лиханов) выплеснулась здесь подобно солнечному протуберанцу.

И это не осталось незамеченным. Поэма еще не напечатана — частично с ней знакомы пока только по авторскому исполнению (так, отрывки из нее А. Кухно читал на семинаре молодых поэтов и прозаиков Сибири в 1964 году в Новосибирске, участником которого он также являлся), а у поэта уже начались проблемы. В том же, 1964-м «Сибирские огни» возглавил Александр Иванович Смердов — хорошо известный к тому времени поэт и, как окажется со временем, прекрасный главный редактор. Но... опубликовать поэму «Море» он все-таки не решился. Со сборником «Ранимость», который венчала поэма, в Западно-Сибирском книжном издательстве тоже тянули. И еще неизвестно, чем бы там дело кончилось, будь у книги другой редактор.

Александр Кухно везло по жизни на многих хороших людей. Повезло ему и с издательским редактором. Почти все его прижизненные книги (кроме «Зимушки») готовила к выпуску Елена Рубеновна Расстегняева. Высокой культуры, очень чуткий к поэтическому слову человек, она была еще и строгим, требовательным редактором. Елена Рубеновна творчески дисциплинировала молодого поэта, умелой опытной рукой направляла и координировала его работу, заставляла трудиться более производительно (сам бы Кухно мог долго еще не поставить окончательную точку), помогала отшлифовывать каждую поэтическую строку. То есть являлась, по существу, полноправным соучастником творческого процесса и в чем-то даже соавтором поэта. Такое гармоническое содружество автора и редактора (в принципе, оптимальное) встречается, к сожалению, не часто, однако Кухно, повторяю, повезло. Но была Елена Рубеновна, по свидетельству людей, знавших ее, редактором еще и бесстрашным. Именно

благодаря ее настойчивости поэма смогла все-таки увидеть свет, достойно завершая книгу «Ранимость».

Настоять же на своем было совсем не просто. «Оттепель» к тому времени уже фактически закончилась. Социальная эйфория конца 1950-х стремительно угасала, а с низвержением Хрущёва и вовсе начался «откат». Шум демократического приобая становился все глуше, зато все явственнее слышалось, как «вьюга завывает».

И «завывание» это Александр Кухно скоро почувствовал, что называется, на собственной шкуре.

Едва книга «Ранимость» вышла, как над ней стали сгущаться тучи. Из Москвы в Западно-Сибирское книжное издательство пошли грозные письма. Публикацию в сборнике поэмы «Море» посчитали идейной ошибкой. Не остались в стороне и местные партийные власти. Обсуждая на бюро Новосибирского обкома КПСС работу писательской организации, книге «Ранимость» устроили форменный разнос. Руководителю организации Леониду Васильевичу Решетникову пришлось ее защищать. Подводя итоги бюро, тогдашний первый секретарь обкома Федор Степанович Горячев (колоритный и оригинальный был человек!), по поводу поэмы «Море» задумчиво сказал: «Так было. Что же делать? Мы все Сталину верили... А сейчас всех собак на него повесили...» И сделал милостивый жест: «Ладно, простим... И поэта не трогать»¹.

Гроза, погрохотав и полыхнув молниями, прошла мимо. Поэта не тронули. Но поэма «Море», говоря языком кинематографистов, на долгие годы «легла на полку».

В предисловии к публикации ее отрывков в газете «Вечерний Новосибирск» (17 июня 1989 г.) Александр Плитченко писал, что это — «одна из вершин сибирской поэзии шестидесятых годов», отмечая в то же время, что «Море» — поэма до сих пор не прочитанная нашим читателем, более того — скрываемая от читателя сверхосторожными издателями». И был прав. По-настоящему не прочитана она и сегодня. В том числе и (по выражению Плитченко) «аморфной нашей критикой»: «отдельного разговора» об этой поэме, которого она, по мнению одного из первых рецензентов книги «Ранимость» Ильи Фонякова, несомненно, заслуживала, не состоялось, «особой оценки» не прозвучало даже после смерти ее автора.

Причину издательской «сверхосторожности» понять нетрудно. По мнению В. Коньякова, дело в том, что «впервые во весь голос поэт сказал властям о лжи. А вот это-то поэзии не прощается»². Да, в полный голос высказал А. Кухно горькую, трагическую правду. Но дело даже не в том, что он посмел заговорить о ней. А. Кухно нарушил важнейший идеологический принцип советского государства, неукоснительное соблюдение которого советская власть требовала вплоть до самой своей исторической кончины: еще допустимо высказываться по частностям, показывать отдельные недостатки, но никак непозволительно обобщать. В том и беда, что автор «Моря» взялся обобщать, а стало быть, покусился на незыблемость устоев.

И только почти три десятилетия спустя, в посмертной уже книге А. Кухно «Вашей учусь любви...» читатели вновь получили возможность встретиться с полным текстом поэмы, ставшей когда-то одним из первых штрихов в только начинавшем создаваться литературно-художественном полотне о трагедиях сталинской эпохи.

Вместе с тем, если оставить в стороне очень болезненные подчас идеологические «занозы», книга «Ранимость», едва появившись, была тепло принята как рядовыми читателями, так и литераторами-профессионалами, получила широкий резонанс среди тех и других. Появились рецензии в местных областных газетах и «Комсомольской правде». Разброс мнений был невелик, общая тональность — сугубо положительная. Все сходились в том, что работа поэта А. Кухно, безусловно, талантливая, «большая и честная» (И. Фоняков), что «в обширной стране русской советской поэзии отчетливо слышен негромкий, но чистый, по-настоящему неповторимый голос молодого поэта, своей второй

¹ Макарова Н. «Гори, душа!.. Гори высоко...». Очерк-воспоминание.

² Коньяков В. Светлая песня. //«Сов. Сибирь», 15 апр. 1992 г.

книжкой заявившего о праве говорить с большим нашим читателем» (Ю. Мостков), и что, наконец, «сила его стихов — в сочетании тонкого лиризма с высокой гражданственностью, ювелирной художественности — с публицистическим пафосом» (И. Краснов). В общем, книга «Ранимость» убедительно доказывала, что А. Кухно в главных своих художественских ипостасях определился и как поэт с «лица необщим выраженьем» сложился, состоялся.

А в ноябре 1965 года А. Кухно получает два письма.

Одно — из Болотного Новосибирской области, от ответственного секретаря местной районной газеты, поэта Михаила Кубышкина, с которым поддерживал дружеские отношения.

«Дорогой Саша, — писал он, — получил (сб. «Ранимость» — А.Г.), спасибо, радуюсь твоей радостью. Критики заметят, как вырос, как пошел вширь и вглубь за этот промежуток, за свою творческую семилетку — от «Незабудок» до «Ранимости». Но это уж дело критиков, а нам читать, любить, наизусть учить. Радуюсь тому, что «Море» получилось (надо думать, от Кубышкина это Кухно было особенно приятно услышать, поскольку Михаилу Павловичу самому пришлось хлебнуть гулаговских прелестей — А.Г.)... У нас в редакции нарасхват читают книжечку, я приносил, в магазине еще нет. Машинистка цитировала из «Моря»:

Но царицей стала —
все переменялось,
как попал
 не знаю
в царскую немилость.
Все ничего бы —
пошли царята.

Вот тут у нее совпадение опыта, и понятен ей грустный юмор этих строк. А другая читает и кричит:

— Слушайте, мужчины! Слушайте! «Спасибо, женщины, спасибо, за то, что правда чувства есть в словах, которых не смогли бы за вас мужчины произнести!» (Из стихотворения «Когда с душой не все в порядке...» — А.Г.) Вот! Слыхали, слыхали?!

А фотография-то! Равна хорошему стихотворению. (На фото суперобложки А. Кухно снят в березовой роще. Он привалился спиной к белоствольной красавице, и сам весь светлый, открытый, по-есенински красивый — истинный «королевич», по выражению Валентина Катаева. — А.Г.). По этому поводу я написал на книжке что-то вроде экспромта:

И внешний и внутренний облик поэта
С Сергеем Есениным сходны немножко,
Душа вот такого же чистого цвета,
Как эти березы, как эта обложка.

И все нам понятно, лишь книжку откроем.
Он слит воедино с березовым краем.
Какое лицо — по стихам установим,
Какие стихи — по лицу угадаем.¹

Буквально через неделю пришло письмо из Смоленска от Н. Рыленкова. Он благодарил А. Кухно за присланную ему книгу «Ранимость»:

«...Я ее прочитал с большим удовольствием. Многие стихи понравились. Особенно пришлась мне по душе «Аленушка». Традиционная тема и традиционный образ у Вас

¹ Из личного архива А. Кухно.

освещены по-новому, по-своему. Да и в других Ваших стихах много свежего. Чувствуется большое сердце...» Вместе с тем не обошел известный поэт и некоторые, по его мнению, слабые места: «В поэме «Море» много хороших кусков, берущих за душу строк и строф. В целом же, как мне кажется, Вы в ней где-то немножко перемудрили, кое-что излишне зашифровали. Читателю будет трудно связать начало с концом. Я люблю поэмы с более четкой композицией. Даже если они лирические. Весьма возможно, я не прав. Это мое чисто субъективное восприятие. (Но оно вполне объективно отражает главную слабость поэмы — А.Г.). В общем же я очень рад за Вас. Ваши стихи меня заинтересовали еще на Смоленском семинаре. Я очень часто вспоминал Вас. Неужто Вы еще не член СП? Если нужно — я поговорю с Вашими товарищами по этому поводу...»²

7. В поисках равновесия

А. Кухно и сам о вступлении в Союз писателей к тому времени серьезно подумывал. Пришла пора официально оформить свои отношения с профессиональной литературой. И в мае 1966 года Александра Антоновича Кухно принимают в Союз писателей СССР.

Здесь надо отметить вот какую деталь. Если десятилетие назад свой поэтический путь А. Кухно приходилось начинать фактически в одиночку (юная лирическая поросль в сибирской литературе тогда практически отсутствовала), то в середине 1960-х рядом был уже целый ряд талантливых лириков, уверенно набиравших «обороты». С первыми книгами выступили Геннадий Карпунин, Александр Плитченко и Нинель Созинова. В том же, 1966 году членом Союза писателей стал Виктор Крещик, годом раньше — Александр Романов и Василий Коньяков, также начинавший с поэтической лирики. С конца 1950-х годов появляются в печати стихи Нины Греховой. И это в одном Новосибирске. Свои дарования росли и в других городах и весях Сибири. Новая поэтическая волна поднималась на глазах. И если «социальная разряженность кислорода», согласимся с В. Коньяковым, все ощутимей, то поэтическая атмосфера становится, напротив, плотнее.

Естественным же центром притяжения молодой поэзии Новосибирска становится А. Кухно. Почему «естественным»? В первую очередь, конечно, в силу магнетизма его личности. Излучая обаяние, притягивал А. Кухно к себе также глубоким знанием, пониманием и чувствованием русской поэзии. Ну и, разумеется, — завораживающим талантом своим. Так что ничего удивительного в том, что, когда А. Кухно получил от редакции «Сибирских огней» квартиру, она сразу же стала местом творческих посиделок.

Здесь собирались коллеги-литераторы, но сюда, «на огонек», заглядывали и художники. Здесь читали стихи, говорили о литературе, поэзии. Очень много наизусть самых разных поэтов знал и читал сам А. Кухно. Нередко хозяин квартиры брал в руки баян или садился за фортепьяно и пел — как свидетельствует И. Лавров, «задушевно, славно пел»¹. «Никогда не забуду, — вторит ему А. Романов, — с каким особым чувством пел Александр Кухно любимое — «Отговорила роща золотая»². А В. Коньяков вспоминал: «Я ведь хорошо помню это и доброе, и неблагоприятное время. Именно тогда полон был ты семьей, радостен маленькими еще сыновьями, комнаткой своей с большим окном, открытым в бор. Еще не устал твой голос. И умел ты играть на баяне... Я сильно любил твой голос...»³

И все вроде бы складывалось тогда достаточно удачно. И книжка новая с поэмой, и нарастающая популярность, и собственный уголок в квартире, где можно творить, отгородившись от суетного мира, и друзья, которые для него «самый теплый юг» и

² Там же.

¹ Лавров И. О поэте Александре Кухно. // Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 278.

² Романов А. Нас объединяло многое. Там же. С. 285.

³ Коньяков В. Светлая песня. // «Сов. Сибирь», 15 апр. 1992 г.

которых все больше, о чем с тихой гордостью и говорит поэт в стихотворении «Подснежник»:

Еще не счесть друзей вокруг,
кто нашей грусти не осудит,
с кем откровенничаешь вдруг
на перекрестках трудных судеб.

Но, тем не менее... Незнамо отчего болела душа, и по-прежнему не было в ней равновесия. И рвался из нее крик: «Я тону, я кричу: помоги!.. //Не соломинку — //руку подай. //Не гадай — //ты мне руку подай. //Помоги. //Помоги. //Помоги».

Это стихотворение А. Кухно впервые прочитал однажды вечером в редакции «Сибирских огней». В гости пришла Е. Стюарт. Читала свое. Потом потребовала: «Теперь вы, Кухно, читайте!»⁴ Не пройдет и года, как А. Кухно навсегда покинет эти стены.

Почему он ушел из журнала, сегодня можно только предполагать. Истинные причины знает только сам поэт. В автобиографии он писал: «20 сентября 1966 г. уволился из редакции — готовить третью книгу стихов, которая должна быть сдана в производство в 1966 г.»⁵

Сборник «Березовые колки» (а речь именно о нем) к моменту увольнения был уже почти готов. И ради того, чтобы в оставшиеся пару месяцев до срока сдачи рукописи навести в ней окончательный глянец, бросать службу с весьма либеральным режимом работы вряд ли имело смысл. Осталась, возможно, затаенная обида на главного редактора, не решившегося опубликовать «Море». Или, быть может, заела журнальная текучка, началась интоксикация от ежедневного перелопачивания нескончаемого потока «словесной руды». Захотелось вольного полета, «вольных хлебов» (а это ли не мечта каждого вынужденного служить ради прокорма литератора!), или просто созрело убеждение, что пришла пора заниматься только поэтической работой... Не будем гадать. Ясно одно: в новый этап своей жизни, новое для себя качество А. Кухно переходил, обуреваемый сложными чувствами.

Во всяком случае, читая стихотворение «Оставил службу...», написанное по горячим следам, понимаешь, что уход из редакции журнала был для А. Кухно шагом весьма болезненным. Он пока в маргинальном состоянии: от привычного берега оттолкнулся, а новой опоры еще не успел нащупать. Оттого и радость вольного полета приправлена горечью: «Гони строку, над рифмами старея». Оттого и злой упрек делу, которому, состоя «в редакторском негромком чине», отдал значительный кусок своей жизни — «случайная — на десять лет! — работа». Но выбор сделан, обратной дороги нет. «Тебе ль не знать, куда ты угодил» в стремлении заполучить «право постоянное охоты»? — задается поэт вопросом и довольно удрученно констатирует: «Ты в самом центре замкнутого круга». Но круг-то очерчен самим собой, и как преодолеть эту замкнутость? «Так громче пой! //Не то и впрямь — один //останешься без песни //и без друга», — вот, по мнению автора стихотворения, выход.

Ощущение некоторой растерянности перед новыми обстоятельствами, впрочем, быстро проходит. Состояние добровольной замкнутости в появившемся следом стихотворении «В ночи горит Полярная Звезда...» обретает уже черты концептуальности:

Далеким путешествиям — каюк.
Проверочных не будет экспедиций.
Моя работа — мой полярный круг.
Заветный полюс — белые страницы.

⁴ Макарова Н. Гори, душа!.. Гори высоко... Очерк-воспоминание.

⁵ Из личного архива А. Кухно.

Но это и гимн любви к женщине, к поэтическому слову, способному «остановить мгновение» и «смешать века». Будут меняться эпохи, «но пребудет всегда эта лунная ночь //самой сильной и светлой любви», символом которой становится возникающий в стихотворении как видение созданный гением на все века образ «безрассудной юной Керн».

«Без всяких оговорок можно сказать, что он был и остается рыцарем восторженной, высокой любви, — справедливо утверждает В. Крещик. — Во многих его произведениях чувствуется всепоглощающая трепетность перед захватывающей тайной и бездной любви. Земной любви! Так же, как и перед захватывающей тайной и бездной поэзии. Перед безбрежной, бескрайней бездной человеческого сердца»¹. И стихотворение «Это ж чудо из всех чудес...» едва ли не самое яркое в лирике А. Кухно тому подтверждение.

Собственную лирику в книге «Березовые колки» А. Кухно дополнил переводами стихов трех немецких поэтов.

Надо сказать, что у А. Кухно это был не первый опыт поэтического перевода. Еще в середине 1950-х он перевел стихотворение якутского поэта Леонида Попова «Виллой-река» (оно вошло в сборник «Незабудок брызги синие»). Позже (1963) переводил алтайцев Аржана Адарова и Эркемена Палкина. А вот с зарубежными поэтами встретился впервые. Причем не только в переносном, но и в самом прямом смысле.

Летом 1966 года СССР посетили молодые поэты из ГДР — Герд Эггерс, Гейнц Калау и Хартмут Кёниг. Они побывали в Рязани, Туле, Сталинграде, Воронеже. С немцами в той поездке были и три молодых русских поэта. В их числе А. Кухно. Все они подружились.

Из Сталинграда А. Кухно писал жене: «...Передо мной сейчас горстка осколков и пуль со священного клочка земли на берегу Волги... Я трижды бродил по этому берегу — один и с немцами. Я привел их сюда, на это нелегкое зрелище, где Волга — через 23 года! — продолжает выбрасывать на берег человеческие кости, черепа, гильзы, осколки снарядов и мин. С Гейнцем Калау — бывший гитлерюнга, обращенный в другую веру советскими солдатами, мы нашли больше — взаимопонимание и дружбу»².

Собирались немцы и в Сибирь, но по каким-то причинам сюда не доехали. Как не попал с ответным визитом в ГДР в составе группы молодых советских поэтов и А. Кухно. Злополучное «Море» сделало его «невыездным». Молодые немецкие друзья А. Кухно были страшно огорчены. Красноярская поэтесса Аида Федорова писала ему из ГДР, что, когда, встречая их на вокзале в Берлине, обнаружили его отсутствие, «они чуть не ревели, а Хармут (Кёниг) бегал по перрону, махал руками и вопил: «Кухно! Кухно! Патчему нет Кухно? Кухно — настоящий человек» Вот как они тебя полюбили». В том же письме Герд Эггерс сделал приписку: «Мой друг Александер! Мы были очень грустны, что ты не приехал к нам»¹.

И тем не менее поэт А. Кухно в той поездке по земле Гете и Гейне незримо присутствовал. Всюду, где проходили поэтические вечера, немецкие друзья читали в своих переводах его стихи. Публика принимала их тепло. «Они очень хорошо звучат», — свидетельствует в упомянутом письме А. Федорова. А в приписке к нему Хартмут Кёниг сообщает: «Мы читали твои стихи. И мы очень рады, что они нравились». Поэтическое присутствие А. Кухно было настолько подчас явственно, что даже иной раз принималось за реальное. Так, газета «Голос народа» 8 декабря 1966 года в информации под заголовком «Делегация лириков» сообщала: «Магдебург. Делегация молодых советских лириков находится в нашем районе по приглашению Центрального Совета свободной немецкой молодежи. Вместе с тремя лириками из ГДР будут выступать в Магдебургском предприятии им. К. Маркса, в высшей школе им. Герхардта Гауптмана в Вернигероде

¹ Крещик В. Перед бездной поэзии и любви. //«Сов. Сибирь», 8 февр. 2002 г.

² «Без людей и без родных я совсем не могу...». Из писем А.А. Кухно О.М. Кухно. Публ. Г. Черезовой. // «Сов. Сибирь», 15 апр. 2000 г.

¹ Из личного архива А. Кухно.

Аида Федорова, Феликс Чуев и Александр Кухно...» «Как видишь, — писал по этому поводу Кухно А. Лиханов, и обнаруживший эту забавную информацию, — в Германию ты все-таки съездил»².

Но стихи новосибирского поэта на земле немецкой не только звучали в устном исполнении. В 1967 году издательство «Новая жизнь» в Берлине выпустило книгу «Полночный троллейбус» (Новая советская лирика), где в компании суперпопулярных тогда Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Окуджавы, Б. Ахмадулиной, А. Кушнера, Ю. Мориц, Р. Казаковой и ряда других наших поэтов был и А. Кухно со стихами «Тополь» и «Ранимость». Последнее через год, в апреле 1968 года, перепечатала культурно-политическая еженедельная газета Немецкого культурного союза «Воскресение».

Не остался в долгу и А. Кухно, поместивший в книге «Березовые колки» переводы стихов своих немецких друзей. Написаны они в несвойственной самому А. Кухно манере. Но он не стал подгонять их «под себя». В предваряющем переводы кратком предисловии он писал: «Я считал себя не вправе переводить вольный стих — белым, или зарифмовать белые стихи. Я старался быть верным оригиналу, чтобы со спокойной совестью сказать: «Дорогие друзья, Герд, Хартмут и Гейнц, добро пожаловать в мою книгу!»

В 1967 году книга «Березовые колки» увидела свет. До следующей оставалось еще семь лет...

8. В свободном плавании

«Свободные хлеба» не освободили А. Кухно от добывания хлеба насущного. Занятие это без стабильного заработка стало, пожалуй, только более трудоемким. Росли сыновья, жизнь заставляла «вертеться». А этого он толком не умел, потому что был «не из тех, кто выходит сухим из воды» в любых обстоятельствах, кто умеет быть в нужное время в нужном месте. Как отмечает В. Коньяков, «он не хватался за что попало, лишь бы удобней прожить»³.

В 1973 году А. Кухно снова поступил на службу — редактором издательства «Наука». Тексты были «чужие», от художественного слова далекие. Работы же — выше крыши. На себя времени не оставалось. И через год А. Кухно сказал В. Крещику, тоже работавшему здесь с ним в ту пору: «Я ухожу. Не только «Литературную газету» не могу прочитать, но и вообще почитать. Ухожу».

Кормился он теперь преимущественно литературным консультированием и выступлениями по линии бюро пропаганды художественной литературы (существовала в советские времена при Союзе писателей такая структура). Он и тут оставался верен слову.

В течение десяти лет А. Кухно проработал литконсультантом при отделе культуры и быта газеты «Советский воин». Приходил примерно раз в неделю в редакцию, забирал поступившие за это время стихи, писал на них отзывы и рецензии.

«Каждому автору он писал, как своему близкому другу, — вспоминает И. Краснов, в то время заведующий отделом и непосредственный начальник А. Кухно. — Дав общую оценку стихотворению, разбирал его построчно. Чтобы помочь автору уяснить суть подлинно поэтической речи, приводил примеры яркой образности, оперируя строчками классиков и лучших советских поэтов. Предостерегал начинающих от штампов, от ложных красот, от пустых и неоправданно громких слов. Короче говоря, мой литконсультант столь подробно и щедро делился своими знаниями, как будто от его

² Там же.

³ Коньяков В. Когда затихает песня. // Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 306.

письма зависела литературная судьба неизвестного ему молодого воина или убеленного сединами ветерана»¹.

А вот выступать в газете с обзорами стихов, поступающих в редакцию, не любил. Хотя это и давало дополнительный заработок «В обзорах всего не скажешь, — объяснял причину. — Обзор — вещь парадная и поневоле куцая. А в рецензии я беседую с автором один на один и высказываю ему все, что считаю нужным»².

Но однажды А. Кухно все-таки уговорили написать о творчестве начинающих армейских поэтов. И вот как вспоминает об этом И. Краснов.

«Он подготовил великолепную статью, высказав свои заветные мысли о поэтическом слове. Прочитав статью, редактор одобрил ту ее часть, где говорилось о способных авторах, и попросил смягчить критические замечания в адрес неудачливых стихотворцев. Я убежден: любой другой литконсультант охотно выполнил бы его просьбу. Ведь и требовалось-то всего-навсего — вычеркнуть двадцать-тридцать строк да заменить их «смягченным» абзацем. Но А. Кухно был человеком большой принципиальности. Своего мнения он никогда не менял. Он не стал спорить с полковником, но вносить исправления в статью отказался.

— Жаль вашего труда, — пожал плечами редактор. — Почему упрямитесь?

— Не хочу поощрять упражнения ребят, лишенных поэтического глаза и слуха. Им нужно правду говорить для их же пользы.

Так статья и не появилась в газете»³.

Весьма красноречивый этот эпизод наглядно иллюстрирует предельную литературную честность А. Кухно, всю серьезность и требовательность его в отношении к поэтическому творчеству. Снисходительности он здесь не допускал в принципе. К бездарности, кто бы ни являлся ее носителем, был беспощаден.

Но и к таланту относился бережно: поддерживал даже крохотные его искорки. Радовался каждой удачной строчке. Тому доказательством может служить вся его редакторская и литконсультантская практика.

Уйдя на «вольные хлеба», А. Кухно много общался с живой читательской аудиторией. Выступал в школах, профтехучилищах, институтах, на заводах, в сельской местности. Аудитория была разная, но везде его принимали одинаково хорошо. Поэтический талант Кухно открывался в этих выступлениях новой гранью — способностью прямого, непосредственного воздействия (минуя печатную страницу) на читателя. А надо сказать, что поэты, одинаково хорошо пишущие и читающие свои стихи, всегда были редкостью.

Сохранилось немало свидетельств очевидцев литературных встреч и выступлений А. Кухно.

«...Воскрешенный памятью, звучит во мне его голос с пронзительно-скорбной, только ему присущей интонацией, доносящий до меня смятение голодного мальчика из стихотворения «Телеграммы»¹, — вспоминает И. Краснов.

«...А читал Александр Кухно хорошо, — подтверждает И. Лавров. — У него был выразительный, звучный голос. И читал он не однотонно, не подвывая, как читают многие поэты, заботясь не столько о смысле, сколько о ритме. Кухно читал, как хороший актер»². Сам бывший актер, Лавров знал, что говорил.

¹ Краснов И. Штрихи к портрету друга. //Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 290.

² Там же. С. 292.

³ Там же. С. 293.

¹ Краснов И. Штрихи к портрету друга. //Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 295.

² Лавров И. О поэте Александре Кухно. //Там же. С. 278.

Знакомил А. Кухно читателей не только с собственным творчеством. Огромной популярностью пользовались его лекции о Есенине, с которыми он был, что называется, нарасхват, получая частые приглашения в школы, институты, рабочие клубы.

И читатели воздавали ему искренней любовью и благодарностью. «Я был свидетелем, — вспоминает В. Коньяков, — как к нему домой, в день его рождения, приходили делегации от школ поздравлять и фотографировались вместе с ним. Фотографа своего, школьного, приводили с собой»³.

На своих выступлениях А. Кухно почти никогда не говорил о себе. Был убежден, что всё за него должны сказать стихи, и любил повторять слова Сент-Экзюпери: «Ищите меня в том, что я пишу». И в поэзии А. Кухно личность его действительно находит свое отображение во всей ее сложности, глубине и объеме.

Выступал А. Кухно достаточно часто, но вот что примечательно: так же, как и в своих рецензиях о стихах начинающих стихотворцев, он и здесь никогда не повторялся. «Вспоминая совместные выступления с Александром Кухно, — пишет И. Краснов, — ловлю себя на остром ощущении новизны каждого его слова. И в десятый, и в двадцатый раз я слушал его с интересом первооткрывателя. Давно известные, затверженные стихи поэта воспринимались как только что родившиеся, полные родниковой свежести»⁴. Но этим как раз и отличается подлинное живое поэтическое слово.

Раз уж зашла речь о реакции на творческие выступления А. Кухно коллег по поэтическому цеху, то нелишне будет привести здесь еще одно свидетельство:

«Как-то на поэтическом вечере, когда зал аплодировал новым стихам А. Кухно, — вспоминает А. Плитченко, — Елизавета Константиновна (Стюарт — А.Г.) не мне и не товарищам, которые сидели рядом, а как бы сама себе сказала негромко, но твердо:

— Настоящий русский поэт, — и через краткий вздох, — с трудной судьбой!..»⁵

А слово «королевы поэзии», как называли Е. Стюарт, дорогого стоило.

Со стихами на «вольных хлебах» тоже оказалось все совсем не просто. Во всяком случае, рекой они не полились. Поэзия ведь не рождается одними только обстоятельствами, хорошими или плохими. Поэтический огонь возгорается при особом состоянии души, возникающем часто как раз вопреки обстоятельствам в силу чего-то такого, что и определить никак невозможно. Но и от характера поэта еще много зависит. Оглядываясь на тот «смутный» период жизни Александра Кухно, А. Лиханов пишет:

«Он бросил службу, чтобы писать стихи, но они не писались... Ему предлагали издаться в Москве, редкий случай; «Молодая гвардия» вставляла его в план — без рукописи, даже без заявки, и он отказывался — все разводили руками: что он, не от мира сего? Столичные журналы просили подборки, он соглашался, радовался приглашению, но печатал одно-другое стихотворение в новосибирской газете, порой — в «Сибирских огнях». Ему предлагали перевести книгу стихов с другого языка, он соглашался, потом отказывался»¹.

Большинство тех, кто знал А. Кухно, объясняли такое положение дел его повышенной совестью, требовательностью к своей работе, едва ли не флюберовской страстью совершенствовать текст. Но тот же А. Лиханов отмечает и другое: полное отсутствие у А. Кухно такого столь необходимого для художника качества, как честолюбие. А. Кухно, по его мнению, оказался поэтом нечестолюбивым. Так ли это — сказать сегодня трудно. Думается, однако, что отсутствие честолюбия делает невозможным и стремление донести свою поэзию до читателя напрямую, при непосредственных с ним контактах. А ведь шел А. Кухно на такие контакты очень даже охотно, и, надо полагать, при его-то щепетильности, не одного лишь заработка ради.

³ Коньяков В. Когда затихает песня. // Там же. С. 303.

⁴ Краснов И. Штрихи к портрету друга. // Там же. С. 295.

⁵ «Сиб. огни», 1987, №8, с. 81.

¹ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

Но как бы там ни было, стихи — пусть медленно, трудно — все же писались. И оставались не только «в столе». В 1974 году Западно-Сибирское книжное издательство выпустило четвертую (и, как окажется, последнюю прижизненную) книгу лирики А. Кухно «Зимушка». Сам автор мнения о ней был невысокого, в чем и признавался в одном из писем: «Книжка «Зимушка» плохая, но... не браните — годы были нелегкие, в основном — переиздание, много древней юношеской чепухи»².

Насчет «чепухи» Александр Антонович, конечно же, несколько пококетничал: все здесь переизданное успело пройти многократные испытания читателем и относится к основному лирическому костяку его творчества. А вот новых стихов действительно немного. И почти у всех один традиционный и для поэзии вообще, и для А. Кухно, в частности, отправной пункт — природа-погода, на которую с чуткостью барометра реагирует настроение поэта-лирика. Оттенки настроения разные, а от них в зависимости меняется и тональность стихов, их лирическая окраска.

Вот светлой грусти зарисовка «Зимой на даче». «Заколочена дача, //уехал детсад». Остался в одиночестве грибок, под которым летом копошилась малышня. Он постеснялся объясниться молодой нянечке при детях в любви, а теперь тоскует. Ничто здесь не напоминает о треволнениях нынешнего А. Кухно. Ощущение, что написано это еще Сашей-пионервожатым в первоначальную пору его любви.

Мажорен пейзажный этюд «Февраль кончается весной света...», отображающий пограничное состояние природы между зимой и весной. Он совершенно в духе хорошо уже знакомого по прежним стихам тонкого лирика и словесного живописца А. Кухно.

А вот в стихотворении «О чем, ручей, звенишь, не умолкая...» уже другое настроение. Оно подернуто тревожным холодком, ощущается в нем утомленность и даже некоторая опустошенность («Весна — //а я ни жилочкой одной //не встрепенусь, не загрущу о лете»).

Близко по настроению и стихотворение «Где ж он, свет твоей звезды?..» На кромке сжатого поля цветет красавец-василек, а рядом — упавший на землю колосок. Таким вот невзрачным колоском, который, «растеряв себя», лежит «горсточкой семян» возле борозды, видит себя и поэт. Но сорняку-васильку не завидует. Поэтический вывод («чтоб со всеми зеленеть //на степном ветру, //крепче к матушке-земле //прижимайся, друг») настолько же оптимистичен, насколько и очевиден. Он словно бы к самому автору обращен, ему в назидание.

Зимними вьюгами навеяно стихотворение «Ах, какие у нас метели...». Как и многие другие у А. Кухно, держится оно на удачно найденном образе-стержне. В данном случае — это образное сравнение январских метелей с белыми лебедями:

Ах, какие у нас метели
нынче выпали в январе —
белы лебеди налетели,
белы лебеди на дворе!

Этот вполне есенинский по духу образ красив и поэтичен уже сам по себе, но он еще и помогает передать психологическое и эмоциональное состояние лирического героя, неоднозначное его настроение. Поначалу оно радостно-восторженное («Захмелевшую душу радует //лебедей бесконечный взлет»), и это естественно, поскольку «птицы-лебеди, а не вороны //вечно жили в сердце моем». Но с каждым шагом, приближающим лирического героя к порогу своего беспокойного дома, нарастает уже отнюдь не светлая грусть, а тревога, источник которых бытовые неурядицы и душевные невзгоды:

Как гитара мой дом панельный

² Из переписки Т.Ф. Редько и А.А. Кухно. //Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 327.

разгуделся от песен и драк.
Жить, конечно, нельзя отдельно,
и почти невозможно — вот так...

Мне вовек в этот быт не взглядеться.
Только трону подъездную дверь —
Птица-лебедь уходит из сердца...
Что же делать, скажи мне, теперь?...

Типичное, в общем-то, противоречие между возвышенностью поэтического мироощущения и приземленностью быта, несоответствие идеального и реального у А. Кухно с его обостренной ранимостью обретает уже черты глубоко драматического душевного разлада, который будет преследовать поэта до конца жизни.

Стихотворение «Ах, какие у нас метели...» написано в 1972 году и посвящено И. Лаврову. Ему первому А. Кухно его и прочитал, когда возвращались они как-то после выступления на одном из новосибирских заводов. «И был он в этот метельный денек внутренне нежен и мягок, был таким, каким создала его природа»¹, — вспоминает И. Лавров — едва ли не единственный из новосибирских писателей, кому А. Кухно посвятил стихотворение, хотя дружил со многими. Впрочем, и не удивительно: лирические души обоих поэтов (Лаврова справедливо называли поэтом в прозе) были настроены на одну волну. Илья Михайлович тоже не остался в долгу. Вскоре он написал цикл миниатюр, одну из которых («И пошел бы, и пошел бы...») посвятил А. Кухно.

«Не от такой ли тоски, отчаяния, любви, непреодолимого порыва — осенними лунными ночами трубят и ревут в таежных горах изюбры? И они идут, влекомые страстью, и потом далеко-далеко разносятся стук, треск и клацанье рогов. Это скрещиваются в битве костяные мечи... Изюбры идут, а я все никак не могу уйти в свои дальние горы. А так бы и пошел, и пошел, и пошел...» — заканчивается это стихотворение в прозе. И. Лавров впервые читал ее коллегам в актовом зале Новосибирской писательской организации. А. Кухно попросил повторить ее конец. «Я смотрел прямо в лицо Кухно и видел, как у него чуть-чуть вздрагивал уголок рта, — вспоминает И. Лавров. — И я понимал, что легкоранимую, как бы обнаженную душу поэта тоже переполняют и тоска, и отчаянье, и любовь к этому белому свету, и страстные порывы к жизни, к творчеству и рвется он тоже в какие-то заманчивые дальние дали...»²

Ну а «забуравившие шар земной» лебеди из стихотворения, посвященного И. Лаврову, в другом «метельном» стихе («Искупалась жар-птица в весеннем снегу...») трансформируются в образ сказочной жар-птицы. Она олицетворяет собой мечту о прекрасном и возвышенном, «недоступную вечную сказку людскую», которая подобно маяку помогает выплыть в бурном жестоком житейском море. Здесь, собственно, и ответ на вопрос, прозвучавший в финале стихотворения «Ах, какие у нас метели...»: «Что же делать, скажи мне, теперь»? Идти, несмотря ни на что, за жар-птицей высокой мечты, на ее животворящий свет, ибо только он способен уберечь от серой трясины повседневного быта.

Почти все новые стихи книжки «Зимушка» написаны в начале 1970-х. Они близки тематически, настроением, да и в сборнике поставлены автором друг за другом. Так что вполне можно считать их единым циклом.

Жаль только, что не дополнил его Александр Кухно еще одним стихотворением той поры — «В Михайловском» (1973). Но у него своя история...

¹ Лавров И. О поэте Александре Кухно. //Александр Кухно Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 282.

² Там же.

Покинув «Сибирские огни», А. Кухно если в чем и обрел настоящую свободу, так это в свободе передвижения. В конце 1960-х начале 1970-х он много времени проводит в поездках по области с выступлениями, путешествует по стране. По приглашению иркутского поэта Марка Сергеева побывал на Байкале. А. Лиханов помогает ему с творческими командировками. Перепадают иногда путевки в писательские дома творчества. Отдыхали со старшим сыном Сергеем в Москве. Потом Ленинград с его окрестностями, Таллин, Рига, которые Александр Кухно с младшим Андреем, будущим художником, а тогда еще студентом архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института, облазили вдоль и поперек — вот основные маршруты его путешествий тех лет. Но была еще одна памятная поездка — В Михайловское, к Пушкину.

Стоял конец августа 1973 года. Год выдался очень урожайным на яблоки. Яблочный дух заполнил все вокруг. Два молодых человека — новосибирский поэт Александр Кухно и псковский критик Валентин Курбатов — неожиданно нагрянули в Михайловское. Был выходной. Музей для посетителей закрыт. И они здесь как бы непрошенные гости, тайком пробравшиеся в святые пушкинские места. Им, однако, крупно повезло: молодых паломников приветил сам директор музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», ученый и писатель Семен Степанович Гейченко. О чем и поведал А. Кухно в своем стихотворении:

...С веселою хмелинкою в глазах
два ленинградских гонщика в кожанках
кладут, как сказку, яблоки в рюкзак,
пока Семен Степанычу не жалко...

С Гейченко у А. Кухно завязались теплые отношения. Семен Степанович в одном из писем в январе 1975 года писал: «Дорогой Александр Антонович! Шлю Вам свое благословение и любовь! Спасибо за книгу стихов (речь, видимо, о «Зимушке» — А.Г.). Они мне очень нравятся своей инструментовкой...»¹ (Несколько книг А. Кухно хранятся сейчас в библиотеки пушкинского музея-заповедника).

Не забыл те благословенные августовские дни и спутник А. Кухно в том визите в Михайловское: «...Читаю «В Михайловском» и все слушаю, слушаю тот давний стук яблок в саду и яблочный запах тригорского, когда они рдеют на столах к концу августа, и падающий к ночи туман, длинно тянущийся над Соротью, и уже рдеющий к осени воздух, — все, что видели мы тогда, — пишет В. Курбатов в письме Ольге Михайловне Кухно в ноябре 1981 года. — И слышу веселый голос Семена Степановича Гейченко, зовущего к чаю, словно на усадьбе мы одни, и оттого как-то особенно уютно и отрадно, и на веранде за чаем те же яблоки во всех видах — и это обманчивое чувство вечной молодости и счастья, счастья... Я долго не знал о смерти Александра Антоновича, и он, может быть, дольше всех был жив для меня в прежнем счастливом Михайловском»².

Но стихотворение об этом счастливом эпизоде своей жизни А. Кухно в сборник «Зимушка», все-таки, не включил. Читатели познакомятся с ним только после смерти поэта в мемориальной книге «Слова, зовущие к добру».

Не попало в последний прижизненный сборник А. Кухно и стихотворение «Вертикально — стеной!..», посвященное Ю. Кондратьюку. А. Кухно очень интересовала личность этого выдающегося ученого, одного из пионеров мировой космонавтики. О нем, по свидетельству В. Коньякова, «он много знал и писал поэму»¹. Поэмы, видимо, не

¹ Из личного архива А. Кухно.

² Там же.

¹ Коньяков В. Когда затихает песня. // Александр Кухно. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 300.

получилось. Вместо нее вышел погромыживающий торжественной риторикой панегирик — явно не в поэтическом русле А. Кухно. Как фрак с чужого плеча. И если кому-то иному он был бы по фигуре, то на Кухно, далекому от «фрачной» поэзии, «не сидел». Но напечатанным это стихотворение автор все-таки увидел. С большим трудом 29 мая 1975 года его опубликовала газета «Советский воин», где поэт работал в то время литконсультантом.

И все-таки стихотворению «Вертикально — стеной!» была уготована долгая жизнь и счастливая судьба. После смерти поэта оно появилось во многих сборниках, изданных в разных городах России. Все они переданы вдовой поэта О.М. Кухно в Российский фонд Ю.В. Кондратюка (в библиотеку литературы по космонавтике Мемориального музея Ю.В. Кондратюка).

Стихи рекою не лились, но и в семидесятых тоже понемногу писались. Хотя в основном, все-таки, «в стол». Как свидетельствует А. Лиханов, «после смерти в Сашинном столе обнаружился целый ворох вполне законченных прекрасных стихов, отмеченных концентрированной законченностью и глубиной»². В мемориальном сборнике А. Кухно «Слова, зовущие к добру» свет увидели более трех десятков стихов разных лет, не публиковавшихся при жизни поэта. Целый поэтический сборник!

Но поэт не лукавил, когда жаловался, что стихи не пишутся. Продуктивность действительно была крайне низкой — в последнее десятилетие жизни всего-то два-три стихотворения в год. Для профессионального поэта, конечно, очень мало. В одном из поздних своих стихов А. Кухно по этому поводу писал:

... Читатель это не поймет.
Ему, наверно, мнится,
что я строчу, как пулемет,
страницу за страницей

А я по году не пишу
и по полгода маюсь:
не то, не то в себе ношу,
не главным занимаюсь...

Можно, конечно, еще и еще раз говорить о высочайшей мере требовательности к себе и своему творчеству, или же об определенном творческом кризисе, в полосу которого попал в эту пору А. Кухно. Но была еще одна очень веская причина, по какой отошел он от активной поэтической работы...

9. По следам коммунара Лежена

К концу 1960-х годов главное место в творческой жизни Александра Кухно занял... последний парижский коммунар Адриен Лежен.

Странный, на первый взгляд, поворот в судьбе лирического поэта. Но это только поначалу. Интерес к истории был у А. Кухно всегда. Он хорошо знал прошлое улиц, на которых прошли его детство и юность, мог долго и увлеченно рассказывать об истории родного города. Дыхание истории ощущается и в его поэзии, прежде всего в поэме «Море». «Историческим» можно назвать и одно из ранних его стихотворений «Пламя для живых», в центре которого памятник расстрелянным колчаковцами героям Гражданской войны. «Сердце Александра Антоновича вмещало в себя не только страсти и боли нашего

² О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

века: его волновали революционные события прошлого»¹, — пишет в воспоминаниях И. Краснов. Да, но причем здесь Лежен?

А дело в том, что именно в Новосибирске, эвакуированный в 1942 году из подмосковного санатория, закончил Лежен свой жизненный путь. Здесь, в сквере Героев революции, рядом с памятником «Рука с факелом» долгое время (пока прах не перевезли в мае 1970 года в Париж) была его могила. Ее однажды, вскоре после войны, Саша Кухно вместе с друзьями и обнаружил в зарослях сквера. Он уже знал, кто такой Лежен, но поверить в то, что по улицам его родного города ходил живой парижский коммунар и что теперь он лежит вот под этим камнем, было очень трудно. Поразил Сашу еще один символический факт. Через семьдесят лет после падения Парижской Коммуны ее последний защитник в конце декабря 1941 года, за несколько дней до своей смерти, пишет письмо воинам-сибирякам (напечатано 1 января 1942 г.), где призывает их разгромить врага, посягнувшего на завоевания великой революции. «Александра Кухно потрясло именно это совпадение: Коммуна последний свой взгляд обратила к сибирским полкам. В час сурового испытания на излом идея народного освобождения совершила легендарный, чем-то высшим освященный переход из одной сферы сознания в другую — такую нам близкую и понятную»².

Интерес к фигуре Лежена у Кухно с годами не угасал. Еще больше подогрел его завуч десятой школы Новосибирска Константин Андреевич Нечаев. Он сообщил, что Лежен привез в СССР знамя парижских коммунаров. И посоветовал молодому учителю и поэту написать о нем стихотворение или даже поэму.

Позже, уже работая в «Сибирских огнях», А. Кухно вспомнил беседу с Нечаевым и рассказал о ней главному редактору журнала Высоцкому, признавшись, что хотел бы написать к 40-летию Октября стихотворение или поэму о последнем коммунаре. Анатолий Васильевич идею одобрил и посоветовал позвонить в облпартархив. Оказалось, что все вещи и документы Лежена отправлены в Москву. Запрос в музей Революции тоже ничего не дал. Оттуда ответили, что «А. Лежен не числится в списках Института марксизма-ленинизма», «в русской литературе сведений о нем нет». Сообщили также, что, поскольку Лежен впервые приехал в СССР в 1928 году, он не мог привезти с собой знамя коммунаров, а доставил его в нашу страну в 1924 году другой участник Парижской Коммуны. Ответ был тем более огорчительный, что А. Кухно именно на этом факте собирался построить будущее поэтическое произведение. На время он оставил свою затею.

И время пройдет немалое, прежде чем А. Кухно снова вернется к ней. Катализатором выступил на сей раз А. Лиханов. Он к этому времени переехал жить и работать в Москву, но по делам часто наезжал в Новосибирск, где начинал когда-то собкорром «Комсомольской правды». В один из таких визитов в конце 1966 года А. Кухно повел друга к могиле Лежена. Он так взволнованно и увлеченно говорил о нем, что А. Лиханов воскликнул: «Поэма... сама идет к тебе в руки!» — «Я ж ничего не знаю», — запротестовал А. Кухно. «Так узнай!»¹ — заявил А. Лиханов и — словно горящий уголек в печь на готовую сухую растопку бросил: воспламенился, загорелся поэт.

В предисловии к будущей книге А. Кухно скажет, что к моменту начала работы над биографией последнего коммунара он «знал почти все источники, в которых сообщалось о Лежене»². Только вот источников было совсем негусто: брошюрка воспоминаний самого Лежена, некролог о его смерти в «Советской Сибири», очерк в «Комсомольской правде», «перелицованный», как установит А. Кухно, из тех же воспоминаний и разбавленный

¹ Краснов И. Звенит строкой душа поэта. //«Сов. Сибирь», 14 апр. 1982 г.

² Лиханов А. Слово о последнем коммунаре. //Александр Кухно. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 3-4.

¹ Лиханов. А. Слово о последнем коммунаре. //Александр Кухно. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 4.

² Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. С. 13.

литературными домыслами, ежегодные сухие, часто противоречивые заметки по случаю Дня Парижской Коммуны в новосибирских и столичных газетах, да две-три статьи в довоенных журналах. «Составить представление о нем как о живом человеке по этим материалам... невозможно»³, — приходит к выводу А. Кухно, но едва ли в полной мере тогда, на старте исследовательского марафона, осознает он истинный масштаб, объем и сложность предстоящей работы.

Отправляясь первый раз в Москву на поиски материала о Лежене, А. Кухно, по собственному признанию, «не знал еще, что взялся за трудное и, может, даже непосильное для одного человека дело»⁴. Но уже через несколько месяцев, проведенных в московских музеях и архивах это становится все более очевидным. Оказалось, что «биография Лежена примерно с 1877 по 1930 г., до приезда в Советский Союз, — не исследована совсем»⁵, а с другой стороны, все написанное о нем за последние четверть века приходилось ставить под сомнение.

«Работа по собиранию материала затянулась. Работа эта не на один год»⁶, — пишет новоиспеченный исследователь в марте 1967 года известному специалисту по истории Парижской Коммуны профессору А.И. Молоку. «Я понимаю, что поставил перед собой задачу почти неразрешимую, — читаем в письме бывшему работнику Новосибирского обкома КПСС А.К. Масляеву, написанном в сентябре того же года. — Страшно трудоемкая работа, особенно для поэта-лирика»⁷.

Тем не менее, А. Кухно полон горячего энтузиазма и страсти исследователя-неофита. Он с головой уходит в новое дело. Забрасывает стихи. Да и с его неумением быстро переключаться с одного на другое, делать параллельно и то, и это, о стихах и говорить чаще всего не приходится. Даже читает А. Кухно «все это время только о Коммуне». Как вспоминает А. Лиханов, «он приезжал в Москву, с утра проваливался в ее круговороты, вечером являлся измученный, но сияющий: каждый день в этом городе он проживал с завидной уплотненностью — за день десятки встреч, зацепок, звонков, находок...»⁸

Поиски не ограничиваются музеями и архивами. А. Кухно разыскивает и находит кино и фотоматериалы, на которых запечатлен Лежен. Отыскивает даже его живописный портрет. Он устанавливает контакты с людьми, знавшими последнего коммунара лично или имевшими о нем какую-либо информацию... Проворачивает, в общем, за первые три года работы над этим «проектом» колоссальный объем, непостижимый для человека, не отличавшегося богатырским здоровьем.

За это время не только сформировался трезвый взгляд на истинные масштабы и горизонты задуманного, но и сама идея в ее первоначальном виде трансформировалась, обрела несколько иные очертания.

Во-первых, приходит понимание того, что «изучение жизни последнего коммунара надо ставить на серьезную научную основу»¹, самому «становиться историком», а во-вторых, меняется жанровое видение будущего произведения.

Сначала, вспомним, возникла идея поэмы на историческом материале. На это поначалу А. Кухно был и нацелен. В упоминавшемся выше письме А.И. Молоку читаем: «Я плохой или хороший, но поэт, писатель, и передо мной стоит задача — в ближайшие месяцы написать поэму о Лежене, хотя бы несколько глав. Это только начало»². «Я

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

¹ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 42.

² Там же. С. 77.

намеревался написать поэму о нем (о Лежене. — *А.Г.*) к 50-летию Октября. Теперь вижу, что не успеть...»³ — пишет А. Кухно А.К. Масляеву.

И он действительно предпринимал попытки поэтического воплощения темы Парижской Коммуны, о чем, в частности, свидетельствует стихотворение (при жизни также неопубликованное) «Париж, 28 мая 1871 года». В нем видится один из фрагментов (либо пролог или эпилог, либо нечто вроде «лирического отступления») так и не состоявшейся поэмы. Не совсем, откровенно говоря, удачный. Здесь как раз тот случай, когда вполне можно согласиться с А. Лихановым, утверждавшим, что «открыто гражданские» стихи — «не его (Кухно. — *А.Г.*) назначение, не свой голос пробует»⁴. Впрочем, поэма, тем более — историческая, — вещь и по стилю, и по ритму, и по интонации сложная, и вполне возможно, что подобные фрагменты вполне бы уравнивались совсем другими, лирическими кусками. Но, еще не начав толком облекать в поэтическую форму накапливающийся материал, А. Кухно от жанра поэмы вскоре отказался.

В марте 1967 года, всего через несколько месяцев после начала работы над биографией последнего коммунара, А. Кухно в письме А.И. Молоку делится своей задумкой: «...Есть у меня такая мечта: написать книгу, документальную повесть, листов на 10-15, без всяческих поэтических домыслов, только историческую правду»⁵. В феврале 1970-го он сообщает бывшему врачу отдела политэмиграции ЦК МОПР СССР И.Л. Рудиной-Ненадовой, в 1940-41 годах лечившей Лежена: «Я должен был написать поэму о Лежене по заказу ЦК ВЛКСМ, но отказался от этой мысли именно потому, что биография его совершенно не изучена ни у нас, ни во Франции...»⁶

Уже в 1968-м А. Кухно решительно сворачивает на дорогу документальной прозы. «Опыта в этом жанре у меня нет... я поэт-лирик»⁷, — жаловался он той же И.Л. Рудиной-Ненадовой. Тем не менее, год оказался для него удивительно плодотворным: в «Советской Сибири», «Вечернем Новосибирске», «Литературной газете» и в журнале «Смена» были опубликованы пять очерков, посвященных Лежену. Еще четыре увидят свет в новосибирских газетах до 1971 года.

Книга начинала складываться. В центре был Адриен Лежен, но ее идейные горизонты простирались далеко за пределы одной, пусть и героической, судьбы. «Это будет очерк о дружбе интернационалистов, о преемственности революционных традиций»⁸, — определял главную суть книги ее автор. Достаточно четко представлял он себе и ее строение, форму: «Очерковая книга, которую я сейчас пишу, состоит в основном из документов и воспоминаний, вкрапленных в рассказ о поиске»⁹.

Именно такими документальными расследованиями очерки в первую очередь и воспринимаются. Даже заголовки некоторых из них («По следам коммунара Лежена», «Кто ты, Адела Николова?», «Когда родился коммунар Лежен?») это как бы подчеркивают.

По крупице воссоздает А. Кухно жизненный путь Лежена. И неожиданно для читателя, привыкшего к нему как к поэту-лирику, он показывает себя скрупулезным, дотошным, цепким и настойчивым исследователем-историком, доверяющим только точным фактам, а не домыслам. В полной мере качества эти проявляются уже в дебютном очерке «По следам коммунара Лежена».

Ну а «установка» самому себе все написанное о коммунаре за последние десятилетия «ставить под сомнение» приводит А. Кухно даже к настоящему открытию.

³ Там же. С. 93.

⁴ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

⁵ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. С. 76-77.

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ Там же. С. 127.

⁹ Там же.

Долгое время датой рождения Лежена считался 1846 год. Основываясь на ряде найденных им документов, А. Кухно доказал, что появился на свет последний герой Парижской Коммуны 3 июня 1947 года, и подробно рассказал об этом в очерке «Когда родился коммунар Лежен?». Уточнил А. Кухно и дату приезда Лежена в СССР. Это был не 1928, как предполагалось, а 1930 год.

Но судьба Лежена продолжала оставаться во многом большой загадкой. «Биография Лежена превратилась в научную проблему, представляющую определенную трудность для историка, — сетует А. Кухно. — С каждым годом эта трудность возрастает, поскольку никого из близких Лежена уже нет в живых, а из тех, кто с ним встречался в Советском Союзе, осталось всего несколько человек»¹.

На пути решения этой проблемы Кухно разыскивает тех, кто знал, помнил Лежена, если удастся, беседует лично, ведет переписку. Проявляет подчас чудеса «следопытского» поиска. В орбиту будущей книги А. Кухно привлекает целый ряд так или иначе связанных с Леженом людей. Это и его бывшие сподвижники-коммунары, доживавшие своей век в нашей стране (им посвящен отдельный очерк — «Парижские коммунары в СССР»), и деятели международного рабочего движения, и партработники, и медики, следившие за здоровьем Лежена... А живые свидетельства тех, кто окружал Лежена в Новосибирске, легли в основу очерка «Они помнят Лежена». Все эти люди также становятся персонажами будущей книги. Их воспоминания, ощущения, их живые свидетельства помогают отчетливее высветить жизнь последнего коммунара.

Уже первые шаги А. Кухно в работе над книгой об Адриене Лежене были замечены и с одобрением встречены во Франции. Генеральный секретарь «Ассоциации друзей Парижской Коммуны» в 1967 году писал: «Мы благодарим товарища Кухно за внимание, которое он проявил к последнему ветерану Парижской Коммуны Адриену Лежену»².

Воссоздавая биографию Лежена, А. Кухно не забывает, что она неотделима от истории международного рабочего движения, в которую вплетено немало ярких замечательных судеб. Две из них он открывает для себя в процессе поисков. И появляются очерки «Камрад Исидоро Асеведо» и «Кто ты, Адела Николова?», посвященные известному испанскому писателю и революционеру и переводчице Лежена, верным спутникам его последних лет.

Проявляя способности незаурядного исследователя, А. Кухно оставался художником слова, а не сухим фиксатором фактов. При строгой документальности его очерки читаются с легкостью увлекательной беллетристики. Большое значение, конечно, имеет то обстоятельство, что сюжетообразующим их стержнем стал сам процесс поиска (есть в этом нечто от стилистической манеры Ираклия Андроникова). Но отмечены они также и чисто художественной образностью, органично вплетающейся в документальную ткань. Однако образность эта ничего общего не имеет с тем чересчур вольным художественным вымыслом, который так легко превращается в далекий от истины домысел.

Художник начинает говорить в А. Кухно и когда дело касается подробностей. Он знает, что без детали не может быть картины. Он точен и тщателен в штрихах и нюансах, старается прописать их как можно тоньше и четче. В письмах к тем, к кому обращается с просьбами помочь в поисках, он также требует деталей, деталей и еще раз деталей. «Каждая деталь его биографии, каждая черточка характера, внешнего облика представляет для меня как писателя огромный интерес, — пишет А. Кухно бывшему члену президиума Общества старых большевиков Т.Ф. Людвинской и задает подобно опытному следователю массу дополнительных наводящих вопросов, которые смогли бы способствовать раскрытию характера его героя, помогли бы проникнуть глубже в его внутренний мир: — Не можете ли Вы, дорогая Татьяна Федоровна, припомнить... хотя бы один эпизод, хотя бы одно слово, реплику Лежена? Для писателя это важно!»¹

¹ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 49.

² Там же. С. 80.

¹ Кухно А. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981, С. 98.

К старикам и детям А. Кухно всегда питал особые чувства, получая ответную взаимность. Нежная дружба его связывала со старейшиной сибирской поэзии Ильей Мухачевым. Своим был он в домах новосибирских писателей-ветеранов Евгения Иванова (Филиппыч) и Георгия Лосьева. Как в родной дом, шел к нему, приезжая в Новосибирск, Михаил Кубышкин...

А. Кухно посылает «маме Тане» поэтические книжки. И обретает еще одну горячую поклонницу своего таланта. «Глаза и руки тянутся к Вашим сборникам, из которых излучается тепло лирической души. Восприятие жизни, которое Вы так легко и просто излагаете в рифме, очень трогает»¹, — пишет ему Т.Ф. Редько вскоре после знакомства. «А лирика Ваша — стихи мне по-настоящему нравятся, не потому, что мне хочется сказать Вам приятное. В них есть благородная простота, которая очень трогает, волнует, и хочется читать еще и еще...»² — говорит она в другом письме. Высоко отзывается она и о «плохом» (по оценке самого автора) сборнике «Зимушка»: «С большим чувством лирического проникновения прочитала Вашу «Зимушку». Ваш портрет прекрасно гармонирует с ее содержанием... «Зимушка» очень милая книга. Ваша лирика мила, искренна, за нею чувствуется тонкая хорошая душа человека, пережившего не только радости»³.

Не один год добрым словом и участием Т. Ф. Редько поддерживала А. Кухно. Он же делился с нею своими проблемами, заботами и невзгодами. А их меньше не становилось.

«А вообще-то с Леженом дела мои неважные. Книга не пишется, исследование ведется крайне медленно»⁴, — жалуется Кухно Татьяне Федоровне. «О себе... писать не хочется. Живу неважно, надсадно, работа не ладится»⁵, — пишет он тремя годами позже, в 1971-м. Может показаться, что здесь просто нытье. Но это не так. Эмоциональный, иногда взрывной, резкий, А. Кухно умел держать свои чувства в узде, не жаловался первому встречному о своем состоянии, и далеко не каждый мог догадываться, как ему приходится трудно.

Но дальше пошло и вовсе тяжело. Опубликовав к началу 1970-х около десятка очерков — фрагментов будущей книги о Лежене, А. Кухно резко застопорился в своей работе. Без того скудные источники и вовсе пересыхали. Соппротивление материала нарастало. В отчаянии он на время забрасывал работу, пытался переключаться на поэзию (в период такого «переключения» и вышла «Зимушка»), снова возвращался к последнему коммунару, опять бросал... Но вырваться из плена этой темы уже не мог. Еще в самом начале поисков А. Кухно в письме А.И. Молоку писал: «Я понял, что никогда уже не оставлю эту тему, если даже напишу книгу о Лежене»⁶.

Книга так и останется незавершенной. Под общим заголовком «Жизнь под Красным знаменем» очерки, дополненные перепиской А. Кухно и комментариями, благодаря усилиям О.М. Кухно, впервые увидели свет в 1981 году в мемориальном сборнике «Слова, зовущие к добру...». А через шесть лет отдельным изданием появилась и книга с таким же названием.

Законченным цельным произведением вряд ли ее можно назвать. Здесь скорей следует согласиться с А. Лихановым, назвавшим ее «конспектом». Книга и в самом деле, по его же выражению, «осталась лишь в очертании, в абрисе»¹. Но это не умаляет ни ее значимости, ни огромного труда, вложенного в нее автором.

Правда, у современного читателя может возникнуть вопрос, чего же ради так упорно бился А. Кухно над жизнеописанием последнего коммунара, что двигало талантливым

¹ Кухно А. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 314.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 328.

⁴ Там же. С. 318.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 76.

¹ Лиханов А. Слово о последнем коммунаре. //Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 5.

поэтом, если он даже стихотворчеством своим жертвовал? Надо полагать, что вопрос сей возникал и у современников А. Кухно. Иначе, наверное, не появилась бы в очерке «Когда родился коммунары Лежен?» фраза: «...трачу месяцы, годы, терплю сочувственные улыбки товарищей и скептические смешки закаленных «следопытов»². А «терпит» потому, читаем дальше в том же очерке, что «Лежен достоин того, чтобы в Новосибирске вспоминали о нем не только в День Парижской Коммуны и писали точно и подробно»³. «Терпит», несмотря на то, что «с большим трудом удается узнать мало», еще и потому, что и «этого немногого, вместе взятого, еще никто не знает, кроме меня...»⁴. И здесь он — настоящий первопроходец.

Есть у А. Кухно и другое, можно сказать, «идеологическое» обоснование. В письме обкомовцу А.К. Масляеву читаем: «...Пусть и не за моей подписью, но появятся, наконец, в печати материалы о Лежене, чтобы тысячи пионеров, комсомольцев, коммунистов, для которых могила Лежена стала местом священным, таким же, как братская могила павших за Октябрьскую революцию, чтобы миллионы людей, знавших только имя коммунара, узнали бы, наконец, его биографию, могли бы образно представить этого человека»⁵.

В том же письме, после сетований на трудности работы над книгой А. Кухно восклицает: «Но что делать! Недаром учили нас отцы: «Поэтом можешь ты не быть, но...»⁶. И в этой отнюдь не спонтанно прозвучавшей некрасовской строке, думается, и есть ключ к пониманию основной причины удивительной преданности теме Парижской Коммуны и ее последнего коммунара.

А. Кухно всегда отличало развитое гражданское самочувствие, ощущение прочной исторической взаимосвязи с радетелями справедливого мироустройства, в среде которых он, прежде всего, и искал нравственный образец. «Поэт и гражданин» в его творчестве шли бок о бок. «Пламя для живых», «Возле Вечного огня», «Море», «Корвет»... (Фигура Лежена невольно ассоциируется со старым кораблем, что «штормовал под парусом багряным»). В том же идейно-художественном русле задумывалось и произведение о последнем коммунаре. Здесь «все соединилось в Александре Кухно одной высочайшей темой — темой Парижской Коммуны, ее последнего дыхания...»⁷. И в его обращении к ней формула «гражданином быть обязан» становится едва ли не единственно возможной формой творческого бытия, в которой все остальное, даже собственный лирический талант — уже как бы и не существует.

10. Последний снег

Работа над книгой о Лежене отнимала у А. Кухно много нервных и физических сил. В 1970 году у него возникают серьезные проблемы со здоровьем. И.Л. Рудиной-Ненадовой он пишет: «О болезни своей я толком ничего не знаю. Было два сильных сердечных приступа, когда привозила домой и увозила из дому «скорая». В первый раз с очень низким давлением. В другой раз — наоборот. Сейчас давление скачет, прохожу всякие обследования, что-то с кровью, работоспособность резко упала»¹. Это был первый серьезный звонок. Но не неожиданный и не последний. «Работа, быт, болезни...»² станут до последних дней его неразлучными спутниками.

Скачет не только давление. Вся жизнь А. Кухно в семидесятые годы идет неровными нервными толчками. Белые полосы мешаются с черными. Подчас и не понять, где какая.

² Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. С. 40.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Там же.

⁷ Лиханов А. Слово о последнем коммунаре. Там же. С. 3.

¹ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 128.

² Там же. С. 90.

Вышла поэтическая книжка «Зимушка», но как прежде это событие уже не радует. В 1974 году А. Кухно пишет Т.Ф. Редько: «У меня большая радость. Наконец-то!.. Со мной заключили договор на книжку о Лежене, на 1976 год. 12 листов Я надеюсь, мы с вами еще прочтем эту книжку...»³ Но надеждам этим сбыться было не суждено. Творческие дела в полосе застоя. «Работоспособности — никакой!.. Спасают только поездки, воздух, общение с людьми»⁴, — жалуется поэт Татьяне Федоровне в одном из писем 1974 года. «Мы по-прежнему живем суетно, напряженно, но малорезультативно»⁵, — пишет он ей годом позже.

Ему бы вести более спокойную и размеренную жизнь, контролировать здоровье, чаще полноценно отдыхать. Но этому «мы не научены». «Саша, побереги себя!» — говорила ему жена. «А как это делается, Лелька? — усмехался Александр Антонович. — С утра до вечера беречься — значит не жить»⁶. Да и, как пишет А. Кухно в одном из последних своих стихотворений, был он «не из тех, кто тормозит на всякий случай».

С семейным тылом тоже не все просто. Они уже давно не мыкаются со своими «рукавичками» по чужим углам, живут в хорошей по тем временам четырехкомнатной «хрущёвке». У младшего сына обнаружился живописный талант. Он учится на архитектора. Но свалилась беда на старшего — поразила его тяжелая неизлечимая болезнь. И в отношениях с любимой женщиной — не штиль. Здесь тоже своя нервность и «надсада», ощущение потери равновесия.

«...А с близкими так трудно! И сам себе становишься страшен и несчастен... Скоро мы увидимся, я вернусь к моим родным, и опять... Опять? Пустота, страх перед днем грядущим, страх за самых близких, за самого себя, за кусок хлеба и за все остальное? В общем, я опять пишу не то. Друг мой, я давно уже не переживал так за вас. Но позволь мне еще хоть немного любить детей моих, ведь я никогда их не отнимал у тебя, тебе все позволялось... Я мало зарабатываю? Не так уж мало, чтобы все были несчастны... Я всю жизнь любил и люблю только одну женщину — тебя, но мне невыносимо, я не могу тебе писать «домашние» письма, я не могу с тобой разговаривать, я разучился... Друг мой, прости меня, мне трудно писать домой, я стараюсь уйти в работу...»⁷ — писал А. Кухно в августе 1970 года жене из Москвы.

Как это не похоже на тональность его же более ранних писем! Этого вот, например, датированного 1958 годом: «...Пишу ли я тебе письма или нет, получаю ли от тебя или не получаю, душа моя, мысли, кровь моя — все устремлено к тебе»⁸. Или этого, отправленного в ноябре 1966-го: «Нет, всю жизнь ты, только ты — остаешься моей загадкой, моей тайной великой и моей верой. Мне было бы страшно представить хотя бы в чем-то ничтожном похожей на всех остальных мою женщину, тебя!...»¹

Но пройдет несколько лет, и в одном из стихотворений начала 1970-х (сб. Зимушка») А. Кухно напишет:

Ты такая же, как тысячи других...
Мне тобою грезить не пристало —
соблазнительнейшую их всех нагих
нынче в ночь
свергаю с пьедестала.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Кухно А. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 329.

⁶ Там же. С. 296.

⁷ «Я всю жизнь любил и люблю только одну женщину...». Из писем А.А. Кухно О.М. Кухно. //Ж. «Новосибирск», 2002, №1(3).

⁸ «Я всю жизнь любил и люблю только одну женщину...». Из писем А.А. Кухно О.М. Кухно. //Ж. «Новосибирск», 2002, №1(3).

¹ «Без людей и без родных я совсем не могу...». Из писем А.А. Кухно О.М. Кухно. //«Сов Сибирь», 15 апр. 2000 г.

Стихотворение это как-то вообще нетипично для «рыцаря восторженной, высокой любви», любви «разделенной», как любили называть А. Кухно.

Все, что пело смолоду в душе, —
только вечный поиск идеала.
Отраженной звездочкой в ковше
возле песни женщина стояла.

Я свое не то чтобы испил —
отраженьям больше я не верю.
В женщине, которую любил,
ощущаю главную потерю...

Здесь и разочарованность, разуверенность, и даже прямой упрек любимой женщине, которая для него уже «не песня, а беда», и даже «главная потеря».

Не сказать, что в этих рефлексиях по поводу несовпадения идеального и реального, ведущих зачастую к душевному и творческому кризису, А. Кухно так уж оригинален среди поэтических собратьев. Здесь скорее традиция. И интересен не сам факт «открытия» такого «несовпадения», а реакция на него и к нему отношение со стороны поэта. Александр Блок, вознеся в заоблачные высоты свою Прекрасную Даму, предпочел ее там и оставить, принципиально не замечая рядом с собой земного прототипа Любу Менделееву. А вот Василий Федоров свою «полунебесную, стоящую на облаке», увидел однажды «просто бабою, уже отяжелевшею». И с крестьянской мудростью рассудил: раз «такая и встречается», то «такая мне и любится» и сделал спокойный диалектический вывод — «мой вкус перемещается — от Рафаэля — к Рубенсу». Зато его земляк и младший современник А. Кухно учинил совершенно есенинский бунт, взявшись «свергать с пьедестала» «женщину, которую любил». Но его бунт — скорее самооборона от эгоизма любви, подавляющего личностную свободу («Это вечный для поэтов риск — зарываться в милые колени...»).

Свергая, а точнее подвергая радикальному пересмотру им же самим созданный образ любимой женщины, поэт не отворачивается от нее самой. Просто их отношения переходят из любви-«жажды», любви-страсти, «похожей на разбой», какими были в молодости, в иное состояние — «в искусство любимых беречь». Искусство тем более сложное, что уже нет былой нежности («вот и кончилась нежность...») и «бьются вразной сердца, //что так от жажды изнывали».

Причины столь резкой перемены лирической тональности едва ли следует связывать с чем-то лишь сугубо личным, или наоборот, социальным.

С середины 1970-х А. Кухно, говоря современным языком, испытывал «системный кризис», в котором сошлось многое: и семейно-бытовые проблемы, и затянувшаяся работа над Леженом, негативно отразившаяся на собственном поэтическом творчестве, и разочарование современной поэзией, где, по его ощущению, «торжествует многозначительная заданность», а не проникновение в истинные глубины человеческой души, не «правда чувств»¹, и ухудшающееся здоровье, и непростые подчас отношения с коллегами по писательскому цеху, и еще многое другое.

Все это усугублялось болезненной ранимостью, нервной оголенностью, отсутствием сердечной и душевной защиты, опровергая на практике его же поэтическое утверждение: «Я с каждым годом все ранимее, //и чем ранимее, тем сильнее». Сил-то как раз чем дальше, тем больше и не хватало. И все больнее воспринимались обиды, наносимые ревнивыми злопыхателями. В стихотворении «Я знаю все, что скажут обо мне...» А.

¹ Коньяков В. Когда затихает песня. //Александр Кухно А. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 305.

Кухно пишет: «...Но слов не называю, на которых //споткнулось сердце в скорбной тишине. //Обидных слов, несправедливых слов //изранивших, состаривших до срока». Он метался, искал поддержку у друзей. Он уже все меньше похож на прежнего Сашу Кухно с его светлой есенинской улыбкой и широко открытыми миру глазами. Глаза смотрят невесело. На чело поэтического «королевича» уже ложилась тень смертной тоски.

Еще в юности А. Кухно говорил отцу, что умрет рано. «Все короче мой недолгий век...» — писал он в поэме «Море». Однако в этом своем трагическом предчувствии мало кому признавался вслух, даже жене, хотя оно постоянно жило с ним, крепнув с годами и усиливая душевный дисбаланс.

В автографе на книге «Зимушка», подаренной И. Краснову, Александр Антонович написал: «...не на строгий суд — с любовью и грустью. А. Кухно. 23. IX. 74». Как вспоминает Краснов, «видимо уже тогда, за четыре года до своей кончины он жил ощущением надвигающейся беды»².

А в 1975 году у А. Кухно случился первый инфаркт...

Его буквально вытащили с «того света», но он не чувствовал себя победителем. «Не хочется жить...» — признался он одному из друзей. И это не было минутной слабостью. Впереди у А. Кухно почти три года жизни (и он, разумеется, не ведает, сколько точно ему осталось), но он уже твердо знает, что век его кончается («только все короче у меня орбита...»). Нет здесь никакой мистики: хоть в жизни, хоть в стихах А. Кухно — самый что ни на есть реалист. Но есть безобманное предчувствие — вполне естественное для одаренной творческой личности с тонкой душевной организацией.

Предощущением близкого ухода проникнуты практически все стихи А. Кухно последних лет его жизни. Он записывал их от руки в тетрадку и никому не показывал. Даже самым близким людям. Он берег их от постороннего глаза, потому что поэтические эти исповеди-признания становились теперь для него последним и самым сокровенным прибежищем.

Ничего-то мне не надо,
ничего, мой друг.
Только шелест листопада,
солнышко вокруг —
да всю смеялась речка
на краю села,
впереди себя словечко
доброе несла

Видишь, хлопчик по дорожке
гонит колеско...

Так и я, хоть недалечко
мой последний снег,
тороплю свое словечко
в стороне от всех.

Колечко завершало путь. Поэт оглядывается на прожитое, и оно его не радует:

Вот и вся моя жизнь:
Где-то выступил, с кем-то
Повстречался,
Графинчик распил...
Черно-белые будни —
Иллюстрации мистера Кента

² Краснов И. Штрихи к портрету друга. //Там же. С. 296.

Я пустил на распыл,
Разлюбил, разбазарил, разбил...
По весенним дорогам я иду, как слепец, осторожно.

Заманчиво, конечно, подвести под это глубоко пессимистическое признание социально-идеологическое обоснование: доконал, мол, поэта «развитой социализм», переходящий в душный «застой» (как раз и первые диссиденты появились). Но это бы вряд ли соответствовало истине. «Багряных парусов» революции А. Кухно не предавал, о смене их курса не мечтал. В оппозиции режиму никогда не состоял. Хотя бы потому, что, как верно подметил А. Лиханов, «по сути своей, по образу действия — он не был борцом»¹. Да и сам А. Кухно полагал, «что эпоха тут совсем ни при чем».

Но тогда — «отчего мне сегодня, товарищи, плохо»? Конечно, трагическое предчувствие недалекого и неизбежного конца настроения не улучшало. Но оно еще и смещало фокус: на высокогорном перевале между жизнью и смертью все виделось уже несколько в ином свете: дальше, резче, глубже, больнее — и жизнь, и творчество, и любовь, всегда составлявшие для А. Кухно единое целое.

Примечательно в этом отношении стихотворение «Через годы...». В нем снова возникает «рукавичка». Но теперь она несет уже «не ласку, а боль». Поэт прощается с любимой «рукавичкой». Заканчивается сказка любви («ты уходишь из сказки. //Уходишь такая земная — //никаким волшебством за тобой не угнаться вослед»). Пропадает след поэтической жар-птицы («и совсем не поется: //погасли слова, как дрова»). Покидают сердце «птицы-лебеди», уступая место черным воронам тоски и опустошенности. Но нет сожаления, что сказка была, что многие годы жизни и силы души ей отданы. Более того, убежден А. Кухно, «это участь поэтов — под сенью российского флага //возвеличивать сказку, //чтоб легче дышалось другим». «Словно на прощание он объединяет в одном стихотворении мотивы многих своих стихов — от интимной лирики до гражданственности»², — отмечает А. Никульков. И одним из этих мотивов, подчеркивает В. Коржев, становится «мотив бессмертия дела, которому он служил»³.

Прощанием пронизано и стихотворение «Губ твоих огневую ранку...». Оно полно любви и мольбы. Мольбы о том, чтобы «рукавичка» его как самое святое на свете сохранила их любовь и оставалась верной ей даже за пределами его земного бытия:

Глаз твоих невеселый омут,
ворожбу твоих слабых рук
не отдай никому другому,
даже если и верный друг.

Я люблю тебя, льдинка, грустинка.
Рановато нам бить отбой.
Пусть не вынесу поединка
ни с тобой, ни с моей судьбой

Звездной ночью ли, спозаранку —
все равно кричу издали:
губ твоих ножевую ранку
не дари никому, не дари...

И без того обычно короткая у А. Кухно дистанция между автором и «лирическим героем» здесь, как и практически во всех последних его стихах, исчезает вовсе. Есть только сам поэт, и говорит он от своего собственного имени. И не для кого-то стороннего,

¹ О друге. (Из личного архива А. Лиханова).

² Никульков А. Нравственная сила лирики. //Кухно А. Слова зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С.12.

³ Коржев В. Высокое горение. //«Сиб. огни», 1986, №1.

11. «Это я вернулся за собою...»

В конце февраля 1978 года Новосибирск, любимый город А. Кухно, проводил поэта в последний путь. Он успел прожить неполных 46 лет.

«Но ведь это материя уплыла, растаяла, исчезла, а самое лучшее, что было в поэте, осталось на земле, с людьми и приходит к нам сейчас, когда мы открываем его книгу»¹, — скажет позже И. Лавров.

Поэта не стало, а его произведения продолжали жить в новых публикациях и книгах. Подборки из ранее не печатавшихся его стихов стараниями А. Лиханова и других друзей поэта увидели свет в столичных журналах «Юность», «Огонек», «Смена», в «Сибирских огнях», в целом ряде коллективных сборников, изданных в Москве, Новосибирске, Иркутске, в местной прессе.

О том, что они не остались незамеченными, свидетельствует хотя бы вот это читательское письмо: «В последнее время часто критикуют поэзию журнала «Юность». Но мне кажется, что четвертый номер этого журнала за нынешний год опубликовал много достойных, интересных стихов. Я имею в виду прежде всего стихи А. Межирова, В. Казанцева, Е. Ананьевой, Н. Злотникова и А. Кухно»².

За свою недолгую жизнь А. Кухно успел выпустить всего четыре скромных книжечки. И пять вышло уже после его смерти. Пять солидных, хорошо изданных книг, в числе которых и мемориальный сборник «Слова, зовущие к добру...», и избранная лирика в «Библиотеке сибирской поэзии», и документальная повесть о Лежене. Все они нашли дорогу к своему читателю. Причем не только российскому.

В июле 1983 года генеральный директор Всесоюзного внешнеторгового объединения «Международная книга» Ю.Б. Леонов в письме к О.М. Кухно сообщал, что книга «Слова, зовущие к добру...» «была направлена по заказам зарубежных фирм и организаций» в Чехословакию, ГДР, ФРГ, Венгрию, Монголию, Югославию, США, Францию, Финляндию, Италию, Канаду, Венесуэлу, Сирию, Египет, Судан³.

Широкий резонанс вызвала и появившаяся в той же мемориальной книге документальная повесть «Жизнь под красным знаменем», после выхода которой вдове писателя пришлось много благодарных писем, свидетельствовавших о большом внимании к этой работе. В частности, французский историк и земляк Лежена Марсель Пикар в 1982 году писал: «...Эта книга дает много новых интересных данных о жизни последнего коммунара в Советском Союзе. Благодаря им я смогу составить биографию нашего героя-коммунара из Баньоле»⁴. Марсель Пикар действительно написал книгу под названием «История Баньоле, рассказанная вольным стрелком беднякам» в которой использовал фрагменты некоторых очерков А. Кухно.

Получила признание книга «Жизнь под Красным знаменем» и у профессиональных историков. Доктор исторических наук В.А. Дунаевский в своем отзыве писал: «...не открою Америки, если скажу, что между нами, историками и литераторами, выступающими в жанре исторической документалистики, а тем более романистики, существует немало противоречий. Основное из них — мнение писателей об их праве на вымысел, причем весьма широкий и мало чем ограниченный. Иными оказались статьи Александра Кухно. Он шел от источника и скрупулезно стремился проверить каждый факт»¹.

Посмертные книги А. Кухно увидели свет благодаря усилиям многих людей: писателей, издателей, меценатов. И прежде всего — вдовы поэта, О.М. Кухно.,

¹ Лавров И. О поэте Александре Кухно. //Кухно А. Слова, зовущие к добру... — Новосибирск, 1986. С. 279.

² Слово ложное и слово истинное». Обзор читательской почты. //«Литературная газета», 28 мая 1980 г.

³ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск, 1987. С. 159.

⁴ Там же. С. 159.

¹ Кухно А. Жизнь под Красным знаменем. — Новосибирск. С. 158.

проделавшей при этом большую и нелегкую работу. Высоко отзываясь о книге «Жизнь под Красным знаменем», Л.М. Зак, член общества «СССР — Франция», в письме к О.М. Кухно («очень хорошая, светлая, насквозь пронизанная любовью к старому герою Коммуны; это праздник в советско-французских связях») сочла нужным добавить «в нем ваша душа и энергия»².

«Не грусти, если долго //тебе не отыщется пара...» — писал А. Кухно в стихотворении «Через годы». Он и здесь оказался провидцем. Пара «рукавичке» не отыскалась... Будучи верной хранительницей семейного очага при жизни поэта, Ольга Михайловна и за ее пределами осталась верна любимому человеку, теперь уже от нее «бесконечно далекому», но «все-таки самому родному».

Непропадающий творческий след А. Кухно запечатлелся не только в посмертных книгах и публикациях его самого, но и в произведениях товарищей и коллег. Ему посвящены воспоминания многих из них, статьи, рецензии, целый ряд стихотворений. И. Краснов, в частности, писал:

Способный ненавидеть и любить
По-донкихотски, до последней стычки,
Он так был добр, что нам не износить
Его стихов теплейших «рукавички»...³

А вот как очертил абрис судьбы своего поэтического собрата Александр Плитченко:

Как в раздрыганной стыл электричке,
Как читать к «пэтэушникам» шел,
Как любил он свои «Рукавички»,
Как бывал недоволен и зол!..

К совершенству такому стремился,
Что годами вынашивал стих,
И молчал он,
И тяжело томился,
Как певец в окруженье глухих.

Горькой славой своей не увидел,
Что по-русски досталась ему...
Он стихом никого не обидел,
Не солгал никогда никому.

Одинокая воля сиротства!
Может, выше и нету цены...
Потому и поныне цветется
Незабудкам его у сосны.¹

Вспоминал кухновские незабудки и В. Коржев, посвятивший А. Кухно песню с таким вот припевом:

...И незабудок брызги синие,
Как свет звезды и свет мечты —
Бегут обратно там, за линией, —
Но с нами остаешься ты.²

² Из личного архива О.М. Кухно.

³ Краснов И. Штрихи к портрету друга. //Александр Кухно. Сдлава, зовущие к добру... — Новосибирск, 1981. С. 297.

¹ Плитченко А. Оклик. Книга стихотворений. — Новосибирск, 1986. С. 34.

Впрочем, и многие стихи самого А. Кухно буквально просятся на музыку. И композиторы не раз обращались к его творчеству. Стихотворение «Пламя для живых» положил в свое время на музыку Аскольд Муров. Композитор Константин Чесноков написал музыку к «Романсу» (в записи на грампластинке его исполняет солист Новосибирского академического театра оперы и балета Владимир Урбанович), а Борис Емельянов — к «Аленушке» (в грамзаписи исполняет Иосиф Кобзон). Более десятка песен на слова Александра Кухно (в том числе и на стихи «Река Молчания» и «Звезда ничейная») написал Борис Мурашкин.

А. Кухно очень любил общаться с живой читательской аудиторией, и она его не забывала. Вечера памяти поэта, особенно в 1970 — 1980-х годах, проводились часто. Проходили они во многих новосибирских школах, вузах (в том числе, и в альма-матер поэта — пединституте, в НЭТИ, где когда-то разгоралась его поэтическая звезда), домах культуры, библиотеках, в книжных магазинах, куда приглашали писателей, артистов, устраивались выставки книг и фотографий поэта. Литературные эти встречи принимали самые разные формы и проходили не только в Новосибирске и в области, но и в других сибирских регионах: в Томском политехническом и Тобольском пединституте, например. А в июне 1989 года состоялась встреча членов Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал» и книголюбов Новосибирска с Георгием и Надеждой Медведевыми — прототипами героев поэмы «Море». Всего же за годы, прошедшие после смерти А. Кухно, прошло около сотни такого рода мероприятий в разных уголках Сибири.

Не обходили вниманием А. Кухно и СМИ. В исполнении известных артистов в радиоэфире звучали его, воспоминания о нем писателей и друзей, в Новосибирске и Иркутске вышли о его творчестве телепередачи. Особенно примечательна одна из них.

Обращаясь к теме нравственной силы русской поэзии, редакция передач для детей и юношества Новосибирской студии телевидения задумала осенью 1985 года небольшой цикл из трех передач. Его ведущий — главный редактор «Сибирских огней» А. Никульков определил цикл как трилогию, где есть начало и свое логическое завершение. Первые передачи посвящались Пушкину и Маяковскому, а «логическим завершением» стал разговор о лирике одного из самых ярких сибирских поэтов А. Кухно, которая, по убеждению А. Никулькова, стоит в прямой связи с великой русской поэзией. Собеседниками телеведущего были старшеклассники новосибирских школ.

Пронзительная лиричность поэзии А. Кухно вкупе с высокой ее гражданственностью молодежь всегда в первую очередь и привлекала. Поэта не стало, но связь с юной аудиторией оставалась по-прежнему прочной. И не удивительно, что литературно-музыкальному клубу «Алый парус» новосибирской школы №95 (ныне экономический лицей) в 1994 году было присвоено имя Александра Кухно. А в 2002 году именем поэта была названа библиотека в селе Криводановка Новосибирской области.

Все чаще поэзия А. Кухно становится предметом не только эстетического «потребления», но и осмысления. Доклады и рефераты по его творчеству пишут студенты, школьники. Поэтическое слово А. Кухно охотно берут в подспорье в своем непростом деле духовного и нравственного воспитания подрастающего поколения педагоги. С 2002 года в учебные программы школ включен региональный компонент. Теперь в ряду других известных сибирских писателей школьниками изучается и творчество А. Кухно.

Через четыре года после кончины Кухно И. Лавров в одной из миниатюр под названием «Завещание», посвященной поэту, написал:

«Дорогие мои! Вы не печальтесь долго. Ведь самое лучшее мое осталось на земле.

Как только загрузите, откройте мои книги — и вы услышите мой голос, увидите мое лицо, и я окажусь рядом с вами. И даже когда занятые своими делами вы не сможете

² Коржев В. «Зовут нас в детство поезда...». Стихи. «Сиб. огни», 1996, №5-6.

думать обо мне, я все равно буду приходить к вам. Я сейчас листаю свои книги и спрашиваю у них: «Кто же я?» И книги отвечают: «Ты — это летние дожди, ты — это листопады и лунные полночи, росы на травах и кукушки на рассвете, любовь и отчаяние, молодость и дороги, хруст прозрачного ледка и бурлящие речки»... Вот в таком виде я и буду приходить к вам. Когда все это будет около вас, считайте, что это я возле вас. Я ухожу из жизни, славя жизнь»¹.

Крохотная эта новелла стала не только прекрасной эпитафией самому автору, но и большому другу его — Александру Кухно. В ней точно, емко схвачена главная художественная суть их обоих.

«Талант — единственная новость», — совершенно справедливо утверждал когда-то Борис Пастернак. Не тускнеющей с годами «новостью» остается и поныне талант А. Кухно.

Верю, на оставшемся веку
все равно я песней овладею —
вычеркну неверную строку,
проясню желанную идею, —

обещал поэт в середине 1960-х в поэме «Море». Свое обещание он выполнил, с задачей успешно справился — стихи его, не растеряв первоизданной свежести и поэтической силы, продолжают и сегодня завоевывать читательские сердца.

Вот уже без малого три десятка лет прошло, как не стало Александра Антоновича Кухно, но творчество его постоянно востребовано, оно активно «работает» на читателя, на формирование его души, а уже одно это говорит о том, что главное испытание — временем — оно выдержало.

¹ Лавров И. Завещание. //«Сиб. огни», 1980, № 10.